

Киреев Илья Сергеевич

Малолетка

Содержание

Глава первая	3
Глава вторая	5
Глава третья	7
Глава четвертая	9
Глава пятая	12
Глава шестая	15
Глава седьмая	17
Глава восьмая	20
Глава девятая	22
Глава десятая	25
Глава одиннадцатая	30
Глава двенадцатая	34
Глава тринадцатая	36
Глава четырнадцатая	38
Глава пятнадцатая	41
Глава шестнадцатая	44
Глава семнадцатая	46
Глава восемнадцатая	49
Глава девятнадцатая	51
Глава двадцатая	53
Глава двадцать первая	55
Глава двадцать вторая	57
Глава двадцать третья	58

Глава первая

По итогу насилие ничего кардинально не меняет. Какие-то доли процента из числа феноменально ссыкливых, возможно, останутся в своих аулах. Абсолютному же большинству чурбанов на это по-хуй. Они едут стадом, они надеются на стадо, их страх разделён между всеми членами стада. Когда с тобой человек тридцать, уже меньше страшно, правда? А когда не тридцать, а сто? А когда целая диаспора?

Не записывайте меня в пацифисты – я сам начинал с того, что в конце девяностых жестоко бил приезжих гастаров. Каждый день после школы. Иногда вместо уроков. Ради удовольствия. Ради экспроприации материальных ценностей. Тогда же я активно занимался карате и практически все навыки, полученные в спортзале, отрабатывал на гастарах. Многие знакомые ребята развлекались тем же. Да что там многие, абсолютное большинство. В то время на вопрос "а что будем делать вечером?" подростки отвечали вполне буднично "хачей гонять" – рядом расположен лесопарк, через который гастары ходили отстроек до магазинов. Там-то и происходили ежедневные весёлые забеги.

И что? Уменьшилось число гастаров хотя бы на десять процентов? Нет. Может быть, на пять процентов? Нет. На процент? Нет. Приезжало всё больше и больше косматых кривоногих обезьян. Их били всё крепче – руками, ногами, арматурами. Кто-нибудь испугался? Нет. Приезжали всё новые кавказоиды. Когда их накопилось достаточное количество, они начали закрепляться, давать отпор, набирать авторитет, завязывать нужные знакомства, вращать корнями в русскую землю. Били их реже и уже с опаской. А потом и вовсе прекратили. И тогда начали бить они. И совсем не в ответ – били первыми, жестоко, без условностей, по всем правилам уличной драки – без правил, то есть.

Меня посадили когда я ещё учился в школе и охота на хачей была занятием повседневым. Забрали прямо из класса – я тогда учился в десятом – и попытались сразу закрыть.

И ведь не взяли бы, если бы не ебаная жирная сука – наш завуч. Эта свинья ненавидела меня всей своей жалкой душонкой. Почему? Не могу знать, может быть причиной был мой хулиганистый норов... Но ведь были в школе и куда большие распиздяи и отморозки чем я! К ним свинища относилась нормально, а меня просто ненавидела. При одном упоминании моей фамилии, при одном моём появлении тусклые маленькие блёклые глаза свиньи загорались яростью, а под слоём сала, покрывающего скулы, набухали желваки. Вело это животное физику, разбиралось в ней чуть лучше чем я, так что мне при проявлении небольшой усидчивости удавалось легко справляться с приготовленными её каверзами – у доски я умудрялся одновременно и рассмешить весь класс и решить поставленные свинятиной задачи. Это её бесило просто нереально. Случай отыграться

предоставился, когда мусора притащили в школу забинтованного, как мумия, чурбана. Глядя сквозь повязку подбитыми глазами, обезьян указал на трёх ребят из класса. Непосредственно к его опиздюру имел отношение только один из троицы, меня же терпила не узнал вовсе. Расколов единственного причастного к избиению парня, мусора собрались было вести его в отделение для дальнейших следственных действий, как вдруг свинья вспомнила обо мне. И указала им на меня, как на главного распространителя ксенофобии в округе. На нацика, надо сказать, я тянул менее всех из класса – я был тогда этакий рэпперок в широких штанах, толстовке "adidas" и кроссах. Тем не менее, менты вызвали меня на "кастинг". Чебурек по-прежнему меня не узнавал: я его пиздошил абсолютно в другом прикиде – в спортивном костюме и бейсболке, сразу после карате. Мусора ко мне применили смешной развод:

– Отвечай быстро, не задумывайся. Что ты делал в пятницу? !

– На карате был – отвечаю не моргнув глазом.

– Ага!!! – орёт мусор – Спалился!!!

– В смысле? – недоумённо вопрошаю я.

– А я тебе не говорил, о каком времени речь идёт!!!

– И чего? Спросили где был – на карате был... Ну, в школе ещё...

– Ты мне не юли! Сейчас въебу, допиздишься!

– Попробуйте. Я вообще имею право не разговаривать с вами без законного представителя: я несовершеннолетний – отвечаю я, участник трёх школьных олимпиад по праву и двух по истории.

– Ты что, сука, умный?!!! – мусор в ярости.

Ведёт меня в кабинет директора. Там меня уже ждёт инспекторша по делам несовершеннолетних – наимерзотнейшая толстожопая усатая гнида татарских кровей с изъёбаной оспинами, как поверхность Луны кратерами, рожей. Эта падла сразу начинает громко и злобно орать на меня – просто с дикой истерикой к делу подходит. Орёт долго. Выдыхается. Я спокойно поясняю ей, что она не права и уточняю, что беседовать в таком тоне не намерен. В ответ на это толстожопая рывком сажает меня в кресло, пихает мне ручку и бумагу и говорит:

– Пиши!

– Законный представитель придёт, тогда и поговорим – тварь меня порядком подзаебала, дико хочется засадить ей с ноги поперёк ебала, но смущают мусора.

– Если ты сейчас не напишешь всё как было, я тебя посажу! – выдыхает мне тухляком в лицо рябая мразь.

– Посмотрим – я отодвигаю от себя листок и ручку.

Задохнувшись от возмущения, татарка выскочила в коридор... Ненадолго

– залетела через полминуты со словами:

– Ты у меня сядешь, гадёныш!

Через полузакрытую дверь на меня смотрело заплаканное лицо моего подельника...

Глава вторая

...Вспоминая обстоятельства произошедшего, стоит сказать, что конкретно ту роковую драку спровоцировали хачи...

Мы только встретились с ребятами, у меня закончились занятия по карате, надо было что-то предпринимать, а то вечер мог выйти скучноватым. Назревало решение прогуляться до лесу, понапрягать приезжих. Нас было всего трое – я, нахальный белобрысый шкет в спорткостюме, удачно скинувший кимоно младшему брату (занимались вместе), мой старинный дружище А., крепкий и резкий паренёк, и С., ныне покойный парень, спортсмен, надёжный, как швейцарский сейф, никогда не пасующий и абсолютно безбашенный в драке. Земля тебе пухом, брат...

В принципе, все мы на тот момент были ещё пиздюшней: мне 14, А. 15, С. 16 лет. Но пиздюшной махровой – уже около года мы безнаказанно хуярили всех подряд хачей. Ментам было абсолютно всё равно – никого не искали, никаких дел не заводили. Чурбаны были забитыми и тихими – "как бы не опиздюриться" было единственной мыслью, блуждавшей в их чёрных головах. Как мыши добежали они до магазина рано-рано утром, закупались под завязку и улепётывали обратно на свои стройки, в бараки. Если же им случалось выбраться позже 10-ти утра, то практически всегда в лесу их уже ждали – били, отнимали деньги...

В этот день хачи сделали ход первыми. Мы просто стояли у магазина и обдумывали, какой сектор леса занять сегодня и кого ещё взять на дело. Вдруг из магазина вышли двое крепко бухих хачей с пакетами. Мы посмотрели на них, опешив от неожиданной удачи. Сразу всех посетила идея допасти пиковых до мест, где поменьше народу и выбить из нелегалов оставшуюся денюшку. Однако, не успели мы ничего предпринять или выразить свои намерения, как один из чебуреков начал нас материть. Обезьяне не понравился наш пристальный взгляд. На несколько секунд мы приохуели, выслушивая отборный поток брани с непременными "Ятвойротипал" и "Мамапапатвойипал"... Затем набросились на хачей. Драки, какой мы хотели, не получилось: только успели прописать им пару кренделей, как из магазинов повыбежали мясистые крутобёдрые деревенские бабы и грудью встали на защиту хачей. Впоследствии, кстати, эти бабы дали показания против нас... Итак, не позволили они нам свершить расправу... Мы же некисло засветились: народу собралось непривычно много вокруг и все осуждали нас – завязки конфликта никто не видел, зато все спалили наш прыжок. Да и два "работяги" с сумками, набитыми "хлебушком", с точки зрения прохожих больше походили на жертв, чем три гопнического вида рослых подростка в

спортивных костюмах. Короче, мы сделали вид, что оставили "работяг" в покое и уходим. Те же начали изображать потерпевших – только что не рыдали от чудовищной несправедливости и от жесткости проклятых русаков.

А мы тем временем обежали магазин и устроили засаду на предполагаемом маршруте их возвращения. Очень хотелось сделать им больно. С. выдернул из колеи колышек, забытый рабочими при производстве разметки, я подобрал метровую палку... Долго ждать хачей не пришлось – получив дозу сострадания, гастары отправились обратно по тропинке вдоль шоссе. Мы их встретили. С. сразу стал ебошить одного колом по черепу, я прыгнул на второго – того, который больше выёбывался. Несколько раз мне удалось достать животное палкой, и оно метнулось в лес. Я думал, с концами, догонять не стал. Отправился помогать парням добивать другого. Зря. Хач вернулся из лесу с дубиной, который был раз в пять толще моей тросточки – такая, блять, сосенка молодая у него в руках была. С дуру я сошёлся с ним в схватке... Первым же ударом обезьян выбил палку у меня из рук. Вторым чуть не снёс мне чайник – спасла меня хорошая реакция: его палица просвистела буквально в сантиметрах от моего виска. Третий удар меня всё же достал – пройдя большую дугу, дубина хлобыстнула меня поперёк спины. Не в силах вдохнуть или выдохнуть, ослеплённый и оглушённый болью, я наугад метнулся в какой-то овраг. Несколько секунд я тупо охуевал, лёжа на влажной опавшей листве. Когда дыханье восстановилось и ко мне вернулось зрение со слухом, вылез наружу. Там разгоралась война. Залитый кровью хач бегал по лесу, крутя над головой палицу, парни гасили его с расстояния камнями и бутылками, а он не обращал на это никакого внимания и орал:

– Я таких...Как вы...В Чечне...Убивал!!!

Естественно, я как только смог, сразу начал оказывать огневую поддержку корешам. Только помогло это мало – чудо-хач оказался практически невосприимчив к кирпичам и бутылкам. Более того, эта мразь исхитрилась запустить пивным батлом С. в грудь... Бланш потом образовался хуже чем от травматике – с чайное блюдце диаметром. Второй же чурбан, растянувшийся было бездыханным кровотокающим куском мяса на обочине, очнулся и с рёвом бросился на шоссе. Зрелище он представлял собой дикое – весь окровавленный, башка в рваных ранах, шмотки грязные, с налипшими на них листьями... Водилы старательно объезжали это чучело.

Внезапно, перекрывая вопли чурбанов, со стороны шоссе донёсся вой мусорской сирены. Садиться как-то совсем не хотелось и мы, поддерживая друг друга, пустились в бега. Три инвалида, мля. Я с разъёбаным хребтом, С. с подбитым грудом, А. с подраненной ногой.

Уйти нам удалось сравнительно легко – ментам через лес было не проехать.

Глава третья

Хачи–терпилы оказались работниками какого–то хуя из Генеральной Прокуратуры... У этого гондона уже несколько штук работяг отпиздошили в кровавые сопли, вот он и разъярился. Дал отмашку ментам найти и посадить. Видать, всыпал им за бездействие... И всыпал хорошо – краснопёрые были на нас сильно злы.

...Как только меня оставили одного при принималове в школе, я сразу же оседлал съебатора. Больно мне не понравились рожи ментов, собиравшихся меня вести в обезьянник. Поступил я абсолютно правильно – С. просидел в обезьяннике чуть ли не сутки, А. вместе с родителями истрепали все нервы в этот день. Я же спокойно дождался своих родичей с работы, объяснил им ситуацию и стал ждать повестки. На меня даже наорали дома несильно – знали о травме спины, были уверены полностью в том, что виноваты чебуреки. До получения повестки за мной в школу приехали грёбаные мусора во главе с толстожопой татарской сукой и попытались снова подломить меня. Заластали, привезли в отделение. Благо, помог мне счастливый случай и природная ушлость – пока они там мешкались с кабинетом, я спокойно спустился вниз, поинтересовался у дежурного, где тут сортир...

...И сквозанул через форточку. Перспектива разговора с озверелой потаскухой в компании с накрученными ею мусорами меня не прельщала вообще ни разу. "Повестка и законный представитель или идите на хуй, пидоры" – подумалось мне, когда я протискивался в квадратную дыру 40x40 сантиметров. Третья встреча с правоохранителями прошла в присутствии моей мамы. Усатая гнида, уже ненавидящая меня всеми своими оспинами, вела себя предельно корректно и учтиво. Чуть ли не чай приносила. Убедила маму, что ничего страшного не произошло – "Ну подрались ребята, бывает" – и назначила нам встречу в районном отделении. Жопой чуял, падла мутит провокацию. Жалко, маму не смог убедить.

– Хорошая, – говорит – женщина, чего ты мне жути нагнал!

Мама! Это не "хорошая женщина", это ебаная татарская мразь, сука с хроническим недоёбом и озлобленностью на весь мир, вытекающей из осознания факта своей полной уёбищности и никчёмности, и усугублённой абсолютно антисексуальной внешностью и постоянно снижающимися шансами найти себе хоть какого–то сексуального партнёра в её 25 лет! Это я всё–таки должен был сказать маме. Но не сказал...

Через неделю, за два дня до моего дня рождения, прекрасным светлым октябрьским днём, мы с матерью поехали в райотдел. Там мы

встретили А. и С., тоже при матерях. Настроение у всех было боевое, менты вселили в нас надежду, что дело обойдётся просто выволочкой. Адвокатов не было ни у кого – более того, никто из родителей даже не помышлял о необходимости присутствия адвоката.

Стоя в коридоре у кабинета следователя, мы с парнями дружно ржали, а матери обсуждали беспредел приезжих – не так давно как раз произошли памятные взрывы жилых домов... ..И вот двери кабинета растворились, впуская нас внутрь. Мамкам сказали подождать за дверью. В кабинете на кресле восседал высокий плотный мужик, по левую руку от него расположилась наша инспекторша по делам несовершеннолетних. Стелилась под него, как сука течная, прогибалась вся, улыбалась блядски... Также в кабинете находился мент с автоматом. Плотный мужик посмотрел на нас презрительным взглядом...

...И сделал хуйню, от которой мы, ещё не отошедшие от ржача, просто не смогли не заржать вновь... Небрежно встряхнув рукой, мужик растопырил пальцы (указательный и мизинец), сложив из них "козу", и, проведя этой "козой" по тронутым сединой волосам на виске, надменно бросил:

– Моя фамилия – Пальцев. Вам это о чём–нибудь говорит?

Хуй знает, какой ответ он ожидал услышать... Услышал он сдавленный смешок. Рожи наши покраснели, сдерживать смех было тяжело. Пальцева это возмутило до крайности:

–Что?!!! Смеяться? !! Смеяться надо МНОЙ?!!! Да вы знаете кто Я?!!!

Я выдавил из себя "Нет", справа заскулил С., по левую руку вытирал слёзы А. Терпеть становилось невыносимо. Я чувствовал, что если тип не перестанет жечь, он получит истерику.

– Я, мать вашу, Пальцев!!! Следователь по важным... нет, по ОСОБО ВАЖНЫМ делам!!!

...я срываюсь... А. срывается... С. уже сорвался... Позади нас перенял эстафету борьбы со смехом автоматчик...

– Видите! Я же вам говорила! Посмотрите на них! Это же подонки! – твякает татарка.

"Подонки" загибаются в ржаче.

Все злоключения до этого момента были цветочками. После слов следака – "Снимайте ремни, шнурки, часы" начались ягодки. По звонку прибежали бульдоги в серой форме, накинули на нас браслеты и потащили по коридору под причитания родителей. Мрачный похмельный мент записал наши данные, наскоро откатал нам пальцы и поинтересовался причинами нашего появления в стенах его скромной обители.

– За драку с кавказцами – ответил я

– Блядь, за это сажают? !! Да я тебе ящик водки должен!!! – одобрил нашу нетолерантность мент.

Может это, а может и что другое сыграло свою роль в том, что сели мы очень удачно. Все вместе. Втроём. В одну камеру. Вообще, это нонсенс – сажать подельников в одну хату запрещено. Но нам повезло – вместе и не так страшно, и обсудить, что и как говорить на допросах, проще... Камера оказалась совсем не такой, как я себе представлял... Думал, будут нары в несколько ярусов, вшивые матрасы... Ан нет – была раковина, туалет типа "очко" и уголок из досок, возвышающийся над полом на полметра. Этот уголок одновременно был и общей кроватью (мечта йога – провонявший сотнями немытых тел деревянный настил), и общим же обеденным столом, и доской для объявлений. Столько ебалы на нем было понаписано – ужоснах. Ну и мы тоже отметились парой–тройкой надписей, естественно.

Писали предусмотрительно спрятанным кем–то из зеков в стыке между досками гвоздиком. Втроём сидели мы недолго, буквально через пару часов к нам привели пополнение.

Глава четвертая

Руслан

Тормоза (железная дверь камеры) распахнулись и на пороге появился чернявый развязный паренёк.

– Здравова, брадяги! Я Руслан! Чо, первый раз за решёткой?

Думаю, паря подмётки режет на ходу!

– Да, – говорим, – первый.

– Ну – отвечает – смотрите: это – ракушка (показывает на раковину), это – дальняк (показывает на парашу). Когда дальняком пользуетесь, не забывайте очко чопиком затыкать (вытаскивает за верёвку из дыры в полу – дальняка – целофановый пакет, набитый чем–то мерзким... сначала о его содержимом подумали самое плохое – оказалось всего лишь испитая заварка). Если чопиком не заткнёте вонять будет. Это – решка (показывает на решётку), это сцена (указывает на настил, где мы отдыхаем), это пятак (тыкает пальцем себе под ноги)

Мы сразу просекли, что чувак авторитетный. Выглядел он, правда, неважно. Весь битый–перебитый – башка в сетке шрамов, обе брови порваны, верхняя губа тоже порвана, из–под неё торчат обломки передних зубов... Кулаки все раздолбаны, локти в ссадинах – несмотря на октябрь–месяц парень был в майке. Насладившись произведённым эффектом, Руслан поинтересовался, за что мы попали. Выслушал наш рассказ и изложил свой. По его версии выходило, что он отхерачил порядка 50–ти человек. Рэмбо, блин.

Никто естественно в это не поверил и как оказалось впоследствии, не напрасно – Руслан попал за кражу газонокосилки. А шрамы и прочие

атрибуты бойца зарабатывал, видать, в основном получая звездулей. Сидел он с нами около недели и успел достать всех своим левым пиздежом и корявыми понтами.

Мурашка

Мурашку вкинули в камеру под вечер. Мурашка – это производное от фамилии "Мурашко". Тонкокостный сублильный наркоман, сын весьма обеспеченных родителей и конченная мразь по жизни, как выяснилось позднее. А так вроде в порядке парнем поначалу казался.

Зашёл, начал со всеми общаться – открытый, приятный молодой человек. Уверенный в себе, довольно неплохой собеседник. Всё в корне переменялось спустя пару часов. Наобщавшись со всеми, Мурашка пошёл к ракушке хлебнуть водицы. Хлебнул.

У этой обезьяны был полный карман трамала и он обдолбался просто как сука последняя. Представьте себе ситуацию – общаетесь нормально пару часов с человеком, он себя ведёт на сто процентов адекватно и вдруг через пять минут он начинает стряхивать с вас несуществующих пауков, ловить по хате несуществующих ежей и разговаривать со стенами. Я до того не видел людей в таком объёбесе и сильно удивился.

Потом с этого чмошника все начали дико угорать. Угорали до того, что менты прибегали раза три. Под конец их это заколебало и они пригрозили крепкими звездулями за громкий смех. В связи с этим коллективом было принято волевое решение стонять Мурашку со сцены на пятак дабы он там пришёл в себя. Ой, зря мы это сделали!

Сначала это существо просто ходило, заглядывало в тёмные углы и что-то бубнило себе под нос. Затем оно решило устроить охоту на мои белые кроссы с помойным ведром в качестве сачка. Пара затрецин вроде отбила у него такое желание, но несколько расстроила бедолагу.

Сев на корточках у параши, Мурашка долго причитал на эфиопском языке о тяжёлой жизни и горькой судьбе (это мое предположение, эфиопского не знаю: сужу по горестным ноткам в его стенаниях). Мы как-то успокоились и пропустили тот момент, когда херов обдолбыш принял чопик за ананас. А чопик-то был старый, затыкал лунку хрен знает сколько и покрывался ровной корочкой каловых масс.

Ими-то с большим аппетитом и принялся закусывать этот угод. У нормального человека зрелище типа, пожирающего говно, вызывает произвольные рвотные рефлекс, но на воле он может уйти и не смотреть на это. Тут же ситуация была совсем иной и пришлось эту шкварёную гниду отгонять от параши ногами, попутно долбя в тормоза. Пришли менты, при помощи веника выгнали Мурашку на продол и пинками погнали куда-то в неизвестность.

Однако через пару дней к нам это хуило вернулось! Мент, правда, сразу сказал – "На полчаса!". Мурашка не помнил (или старался делать вид, что не помнил) практически ничего и был немало удивлён, получив удар в солнечное сплетение при попытке взобраться на сцену.

Свои полчаса он так и простоял у параши. Затем его увели на этап. Эта история имела продолжение уже на малолетке: по приезду туда Мурашка сразу же попал в спидовую хату и там рассказал о своём житие на КПЗ и четырёх лохах, которые постоянно плакали, просились домой и тряслись, как осиновые листья.

Естественно, я не стал молчать и о его подвигах. Что с ним стало после моей малявы, я не знаю – со спидовой хатой общались всегда мало и неохотно – но, думаю, ничего хорошего.

Кабан

Третий "подкинутый" к нам арестант. Прямо с малолетки. Здоровый, аки шкаф – и не скажешь, что 16 лет парню. Впрочем, габариты в его случае были обратно пропорциональны интеллекту. За плечами – 4 класса образования и активная дворовая жизнь. Ничем особым он не отличился, зато ввёл нас в курс тюремной жизни... Хотя тогда мы ещё и не думали, что попадём–таки на малолетку, но слушали открыв рты.

Узнали про "чёрный ход" (власть воров), про сами понятия "красный" и "чёрный", про "стрёмно"–"не стрёмно", про тюремные проверки на слабо ("в жопу раз или вилку в глаз? ")... Естественно, не обошли вниманием и тему с "петухами".

То, что нам сказал Кабан, нас в общем–то успокоило: всех подряд, как оказалось, не ипуг, а каждый случай "опускания" на особом контроле у "смотрящих за малолеткой", так что десять раз всё перетирается, прежде чем мужской пенис входит промеж мужских же булок. Тогда же мы узнали про понятие "пилоточник".

Мы в нашей деревеньке слышали слово "куннилингус", но не считали это чем–то стрёмным. Заниматься такой ебалой я лично никогда бы не стал – как–то сродни копрофагии всегда себе представлял – но и от тех, кто занимался, не шарахался. Даже самый опытный из нас – Руслан – не знал, что за это опускают.

В общем, Кабан рассказал нам много полезного. Правда, и с ним не обошлось без курьёза. Когда ему сказали собираться на этап, я спросил – Как тебя найти–то на малолетке, если (тьфу–тьфу–тьфу) вдруг туда попадём?

– Да спроси Кабана или Емелю, меня вся тюрьма знает!

Я в первый же день, как попал туда и спросил. Хата ответила дружным ржачем. Нет, не подумайте, никакого "стрёма" за ним не было:

просто он там считался кем-то вроде местного дурачка. Тем не менее, спасибо Кабану за вводный курс в тюремную жизнь.

Юра Цыган

Мы уже считали себя прохаваными сидельцами, когда к нам закинули высокого улыбчивого парня.

– Юра Цыган – отрекомендовался он.

Есть такая порода людей – обладают они прямо-таки профессиональным навыком располагать к себе окружающих. Этот был именно из этой породы. После пяти минут общения создавалась полная уверенность, что ты ему во всём можешь доверять. Да и само общение с ним было на редкость приятным – парень был разговорчив, но вместе с этим и отлично умел слушать, давая собеседнику понять, что тот рассказывает что-то прямо неэбово интересное. Плюс он знал дохера анекдотов.

Один запомнился на всю жизнь. Рассказал он его вслед за вопросом С., а не пора ли нам спать.

– О, пацики, анекдот вспомнил в тему: Приходит отец с зоны, а жена сына успела родить ему пока он сидел. Хуяк, посидел, пообщался с семьёй, надо малого спать укладывать. Жена grit мужу – сказку почитай ребятёнку. Ну, зэк пошёл читать.

– Жили, бля, были, бля, дед, бля, и баба, бля...

– Папа, а кто такой "бля"?

– Спи, бля, чмо, бля!

Вся камера взрывается хохотом. Другому бы С. сломал еблет за такой анекдот – как-то он неровно вспомнился. Цыган же был настолько располагающим кентом, что даже мысли о таких действиях не было.

Уже на тюрьме выяснилось, что типком-то Юра был мутным. Из-за него убили пацана на воле: он и ещё один парень заночевали на хате у их общего друга и Юра спиздил оттуда золото и деньги. Все сразу подумали на него, но Цыган смог перевести стрелки на второго ночевавшего. С того начали спрашивать за эту хуйню и престарались – убили.

Глава пятая

...А ещё на КПЗ я встретил своё пятнадцатилетие. Надо признать, что первый день мы не верили, что предстоит какой-то серьёзный замес. Ржали, прикалывались, представляли себя в лучах славы "на воле". Тогда уголовники были в почёте...

Переломным моментом стала именно моя днюга, наступившая через два дня. Видать, товарищ Пальцев был крепко зол на меня – дачку передать мне не разрешили. Зато парням принесли тёплые вещи.

Это сразу навело меня на нехорошие мысли, а ребята что-то расчувствовались, загрустили. У меня же есть черта характера такая – когда всем херово, я начинаю жечь. Стресс я так снимаю. Тогда я жёг неимоверно – стресс был сильный.

Ещё через несколько дней нас вывели к следаку. На моё удивление, им оказался совсем не Пальцев – дело передали молодому мужику лет 23х. Не знаю, по своей ли воле, или по незнанию, но скроил он дело так, что оно по итогу рассыпалось в суде. Хотя совершенно явно ему ставилась задача засадить нас надолго.

Через пару лет после откидона я встретил этого парня во время крестного хода в церкви. Он был с супругой, а я в компании местного мелкого криминала. Увидел он меня, пересеклись взглядами. Узнал, напрягся – думал, полезу в рамсы. Не полез. Подошёл, поздоровался, перекинулись парой фраз.

Мне до сих пор приятно думать, что он специально замутил этакий саботаж и заложил в дело зацепки, позволяющие его развалить. Хочется верить в добро.

Однако, узнав, что нам предъявляют, я ахуел. Разбой и вымогательство. Статьи 162¹ и 163² УК РФ, части вторые. И куча подпунктов – а, б, в... Бля, весь алфавит...

¹ Статья 162. Разбой

1. Разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, – наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.

2. Разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, – наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового.

3. Разбой, совершенный с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище или в крупном размере, – наказывается лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового.

4. Разбой, совершенный:

а) организованной группой;

б) в целях завладения имуществом в особо крупном размере;

в) с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, – наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового.

² Статья 163. Вымогательство

1. Вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, – наказывается ограничением

Разбой тянул на срок от восьми до пятнадцати, вымогательство от семи и тоже, блять, до пятнадцати. Тяжкий вред здоровью потерпевших, вся хуйня. Как ушлый в вопросах права, я знал, что больше десятки мне въебать не могут, но ебать мой хуй, от таких сроков у меня башка пошла кругом.

Прибежал мудовый мужичок в затасканом костюмчике, представился моим адвокатом и начался допрос. Прошёл он в довольно лёгкой форме, что и как говорить я уже надумал. Однако мои показания пошли резко в сторону от показаний терпил.

Для накручивания нам сроков тем посоветовали сказать, что перед дракой мы вымогали у них чудовищную, непостижимую уму сумму – 10 рублей. Теперь прописью, блять, – десять рублей.

В 1999 году столько стоила пачка не самых дорогих сигарет. Зато – вымогательство. На разбой нас натянули, порекомендовав чуркобесам заявить о том, что мы у них с боем отобрали 10 банок пива. Пиздец.

Читая этот бред, я просто выпал в осадок. Естественно, ни с чем не согласился, изложил свою версию. С бумаги на меня смотрели две абсолютно разных истории, совпадающие лишь в некоторых деталях.

Какое-то время после допросов нас не трогали, а мне даже передали малость тёплой одежонки – осень выдалась холодной. Затем двери открылись и сонный мент зачитал наши фамилии. Поехали к прокурору. Этот визит запомнился надолго.

Первым пошёл на беседу А. Вышел весь заплаканный. Вторым потянули С. Вышел тоже невесёлым. Третьим повели меня, когда я уже подзаебался стоять рожей к стене. Чуть башкой шевельнёшь – мусора сразу начинают кипешить, орать "В стену смотри, сука!!! " Браслеты защёлкнули так, что у меня все руки затекли. Чего боялись? Хуй знает.

свободы на срок до трех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до четырех лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового.

2. Вымогательство, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) утратил силу

в) с применением насилия;

г) в крупном размере, –

наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.

3. Вымогательство, совершенное:

а) организованной группой;

б) в целях получения имущества в особо крупном;

в) с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, –

г) утратил силу

наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового.

Думали, блять, что пацан 15–летний их покромсает голыми руками, невзирая на стволы? Пидорасы.

Ещё худшим пидорасом был прокурор. Я это просёк сразу. Всклобоченый нахохлившийся мудачок небольшого росточка с сердитой рожей не внушал приятных эмоций. Тем более, что он сразу же начал гнать абсолютную ебалу насчёт того, что хачи мне братья, что все мы родились в одной стране и проч. А я имел неосторожность прервать эту ахинею утверждением, что я Русский и братья мне Славяне. На это прокурор мне надменно бросил:

– Да ты мне ни одного племени не назовёшь, из которого русские исконно состояли!!!

Зря он это сказал. Как раз эту тему я усиленно учил, когда меня забрали мусора из школы. На нервах она чётко отпечаталась в моей памяти... И я нон–стопом выдал ему штук 15 названий племён:

– Кривичи, дреговичи, радимичи, древляне, поляне, мурома...

Прокурор обиженно заткнулся, мой следак, сидевший в кабинете, разулыбался против своей воли... Этим действием я подписал себе приговор. Отныне мне предстояло везде идти как организатору. Прокурор въебал нехуёвую речь, касаясь того, что я, ебанный интеллектуал, обанул, заморочил голову и заставил своих друзей, тупорылых пролетариев, пойти на это чудовищное преступление. Вселил в их души мерзкого беса ксенофобии так сказать. Я сидел, слушал эту гневную тираду и был тупо в шоке. Казалось, дальше некуда. Но эта сука меня всё же добила.

– Вот у меня кот есть. И он обоссал мешок с сахаром. Пятьдесят килограмм сахара пришлось выкинуть. Жена взялась его лупить, а ей говорю – Не трожь!!! Потому что это тварь неразумная – толку его наказывать. А ты всё просчитал, спланировал и друзей своих втянул! Тебя я в тюрьме сгною!!!

Глава шестая

Две недели нашего нахождения на КПЗ подходили к концу, позади уже были поездки к прокурору, визиты к следователю. До чёрта надоело валяться на сцене, жрать баланду. Уехал Руслан, Мурашко, Кабан, Цыган. Пришёл и наш черёд стартовать на малолетку.

Полчаса на сборы, дорога в битком набитом автозаке. Рёбра хрустели на каждой кочке, на каждом повороте. И ХОЛОД. Похолодало очень резко в тот год, как я уже писал. А мы–то все были довольно легко одеты. Какой–то шмот нам родители смогли передать, но никто не рассчитывал на такую погоду. Мёрзли мы, короче, конкретно.

Тюрьма показалась просто огромной. Гулкие коридоры, высокие потолки... Кругом стальные двери, за которыми копошится густая людская масса... Озлобленные, низведённые повседневной жизнью до

скотского состояния, мусора, старающиеся превратить зеков в ещё больших скотов... Жуткая энергетика, концентрированная злоба в спёртом воздухе... Централ не был похож на здание – это был Город. Самый настоящий город – с улицами, с правилами движения по ним, с районами...

Только мы приехали, как нас разлучили, даже попрощаться не дали, и повели шмонать. Лично меня шмонали не особо долго и тщательно, но процедура с заглядыванием в анус мне, блин, не понравилась. Интересно, о какой работе мечтал в детстве человек, заглядывавший в мою задницу с фонарём? Была у меня с собой книжка – мамка передала какую-то фантастику по доброте душевной. Лучше бы Библию дала или Молитвослов... Фантастику менты посчитали "запретом" – отобрали.

После шмона состоялся неприятный разговор с представителями тюремной администрации, суть которого сводилось к следующему:

– Будешь на нас работать?

– Нет! – наученный Кабаном твёрдо отвечаю я

– Тогда мы тебя будем пиздить! – зловеще произносят мусора.

Там две такие туши, бля, со зверскими рожами... Поневоле напряжёшься. Не отпиздили, слава Богу. Попугали, но я не стал подписываться на такое западло.

За это, а может просто ввиду нехватки мест, меня отправили в холодный карцер на карантин. Что такое "холодный карцер"? Это камера приблизительно 3х1,5 метра в каком-то полуподвале. Никакого намёка на батареи. Никакого намёка на стёкла – решётка и сразу улица. В этом холодильнике мне предстояло провести сутки. Блять, я там чуть дуба не врезал! На улице минус хер знает сколько, а я в кроссах, тонких носках, толстовке и лёгкой куртяшке! Вода пополам с говном застыла в параше ледяной пробкой – мочишься сверху, а потом вдыхаешь пары своих испражнений... Шконка откидывается только снаружи – пока менты не соизволят дать тебе прилечь – будешь стоять. И ХОЛОД. Вот что добивало меня больше всего.

Сутки я приседал, отжимался, ходил кругами по крошечному свободному пространству. Порвал три бывших в наличии пакета – с КПЗ осталась пачка сахара, она была в них упакована. Двумя обмотал ноги, из одного сделал подобие шапки, вспомнив, что 80% тепла якобы уходит через голову... Помогало всё это мало. К исходу суток я понял, что простыл просто пиздец как.

Пришёл вертухай, повёл меня в камеру, а у меня уже состояние полного отупения и пофигизма – иду, как во сне, а где-то далеко в глубине мозгов копошится мысль – "Бля, забыл у Емели спросить, сидят ли кавказоиды на малолетке? И что нам будет за то, что мы попались за драку с чурками?".

Успокоив себя тем, что Емеля даже не заикался о хачах, я вполне спокойно шёл за ментом по продолу. Желания было только два – согреться и поспать. Мы изрядно поплутали, прежде чем он дошёл до искомой дверцы и достал ключ. Поковырявшись с допотопным замком, мент распахнул тормоза. Моё сердце ёкнуло. К дверному проходу подошли двое бородатых чурбанов совершенно ваххабитского вида, а за их спинами маячила борзая рожа азиата.

Глава седьмая

Собрав волю в кулак и стиснув зубы, я ступил с продола на камерный пятак.

– Вай, как звать, за что попал? – загутарили хачи.

Шагнув между ними как во сне, положил пачку сахара на стол со словами:

– На общак!

Хачи заржали и показали на угол хаты – там горой лежала различная снедь – хлеб, пакеты с сахаром, упаковки макарон... Благодаря такому поступку, а также невозмутимости, вызванной скорее общим паршивым состоянием знакомство прошло для меня более чем удачно. Присев на сбитую со столом скамейку, жадно прихлёбывая предложенный горячий чай я коротко рассказал бородатым чебурам, бывшим в камере в большом авторитете, за что попал:

– Сто–шесть–вторая–вторая, сто–шесть–третья–вторая.

– Вай, джигит! Разбой, вимагательства! – восхищённо зацокал языком один из них – грузин Вусал.

– Эй, Деман, чаю ищо, билять, тащи! – второй отвесил смачный пендель кому–то копошившемуся у кучи со съестным.

Посмотрев в ту сторону, я с удивлением увидел Руслана! Обритого наголо и жутко опустившегося за неделю. Фактически, передо мной был другой человек. Другой до такой степени, что я даже не стал с ним здороваться. Да и он, казалось, не заметил меня – слишком много задач лежало на плечах уличного бойца. Он одновременно и кухарил, и мыл посуду, и прибирался в хате. Для ускорения ему постоянно отвешивали поджопники и затрещины и покрикивали " – Эй, Деман!!!" или " – Деман, бля!". Нехарактерный тремор, заискивающие интонации, бегающие глазки, подобострастно выгнутая спина...

"Блять, да что с ним тут сделали?" – мелькнула у меня мысль.

Мучительно ворочая в памяти всё, что Кабан говорил про малолетку, я отвечал на расспросы сокамерников. Никаких каверз мне вроде никто не строил, вилок в глаз не предлагали. Один приценился к моим джинсам, которые я не сказать, чтобы с большой неохотой поменял на спортштаны.

Да, одёжка классом пониже, но зато чистая – аж порошком воняла. Обменяв таким образом всё своё провонявшее КПЗ барахло на чистые, но явно более дешёвые шмотки я понял, что если сейчас не лягу, то отрублюсь прямо за столом. Свободное место нашлось одно. 1/2 шконки Руслана–Демона.

В таких обстоятельствах особо выбирать не приходилось и я "вспомнил" Руслана.

– Руслан? Да мы же с тобой на КПЗ сидели в одной хате! – как будто 15 минут вместе провели.

– Ээээ , какой он Руслан? – тактично поправил меня Вусал – Эта деман самый настоящий!

"Демон" на сленге малолетки означало примерно то же, что и "чёрт" – грязный, глупый, неследящий за собой и неприятный в общении человек. Как я понял, Руслан себя с ходу не так поставил и его "пригнули к земле". За несколько дней он превратился из нахального, заносчивого, борзого типа в забитого изгоя – посудомойку и полотёра. Но выбирать, повторюсь, было не из чего. Жалко мне эту пиздливую обезьяну не было.

Я полез на ставший наполовину моим шконарь и отрубился до вечерней проверки. Проверка, да и два последующих дня смазались... Собственно, я и так спал основную часть времени... Просыпался, пил чай, опустошал небогатую аптечку хаты, смотрел на спящего по хате Демона, без аппетита ел и снова лез спать. Простыл я просто кошмарно. Окружающие, надо отдать им должное, всё понимали и не дёргали меня. От старших бродяг было дано правило – никаких напрягов для "зелёных" в течении трёх дней после прибытия. Человек должен как бы осмотреться, понять, что вообще происходит и так далее... Свои три дня я добросовестно "проплющил".

На четвёртый первым, что я увидел перед собой, открыв глаза, было противное лицо Демона. Побритый налысо типок был просто омерзителен, поверьте мне. Его внешности ужаснулся бы любой орк из "Властелина Колец". Так вот, меня будит эта феерическая личность с просьбой подорваться и подмести пятак. А мне этого во–первых, ни хера не хочется, во–вторых, я прекрасно понимаю, чем это кончится – быть у Демона замом по уборке хаты мне в болт не впилось, а в–третьих, я себя херово чувствую. Со ссылкой на то, что "в–третьих" Демон был отшит и я вернулся в объятия Морфея. Так продолжалось дня два.

Я, в принципе, уже вполне окреп, но расставаться с распиздяйским времяпрепровождением не хотелось. "Чорд, не такая плохая штука эта ваша тюрьма" – подумалось как–то мне за вечерним чифирём.

Кстати, чифирь, он же чиф, он же чИфир – противная штука, но бодрит некисло, скажу я вам! Большинство энергетиков и рядом не стояли с несколькими глотками правильно сваренного чифиря. Есть и минусы – зубы желтеют только в путь.

О чём бишь я? А, прикидывался я, значит, шлангом. В это время "зелёных" кроме меня было несколько:

– Зиг – мерзкий анархо–наци–панк. Наглухо уёбищное существо с внешностью жида из Бухенвальда – тощий, шнопок горбатый, шея гнутая. Как его рядом терпели нацисты, хрен его знает. Или, может, такие нацисты.

– Гера – маленький борзой наркоман, которому было запрещено хавать из общей посуды, бриться, зашивать одежду и проч. пока не придут его анализы на ВИЧ. Гера на это очень обижался и постоянно орал – «У меня не может быть ВИЧ! Я бахался только со своего станка! Если у меня ВИЧ найдут – я себе вены вскрою, на хер мне жить!!!»

– Вован – «смотрящий за парашой». В общем–то, он «зелёным» уже не был – отсидел больше полугода, но уважения не снискал. Внешне неприятный парень, весь в прыщах и гнойниках, походивший на откопаного покойника – мертвено–бледный, со следами разложения на теле... Сидел за попытку гопануть офицера – с корешом изрезали пьяного армейского майора ножами, несколько раз долбанули по голове железным прутом, а тот нахлобучил им обоим, да ещё и заяву кинул... Короче, Вован, он же «Бобан», он же «Бобик», он же «Вова Челюсть» (сей элемент его внешности вызывал просто гомерический хохот у многих обитателей хаты – узкая, заострённая и торчащая чуть ли не дальше носа челюсть Бобана являлась предметом постоянных приколов), был стабильным неудачником по–жизни.

– И Демон...

Всё вышеперечисленные лица были отнюдь не рады моему отлыниванию от работы. По причине их забитости, серьёзного конфликта затеять со мной из–за неприбранного пятака не получалось. Я включал дурака, прикидывался спящим, больным, занятым написанием письма домой (это святое!), ходил на прогулку, базарил с хачами и со смотрящими... Лишь бы не попадать на уборку – к этому делу я испытывал стойкое отвращение.

Афишировать национальность терпил я не стал... Тюрьма интернациональна. Большинство бродяг – пиковые: Джуба (грузин) смотрящий по тюрьме, Бачука (грузин) смотрящий по малолетке, Фархад (таджик) смотрящий по больничке... Большинство арестантов – русские. Так что никому национальные конфликты были не нужны. Табу накладывалось на все ругательства, в которых упоминалась национальность. Также табу распространялось на дела прошлые. Несколько скинов сидело вполне нормально, никто их не щемил, никого не опускали, никому предъяв не лепили. Всего же их насчитывалось не более трёх человек и между собой парни никак не контактировали.

У нас же, как я уже писал, неруси было три особи. Два заросших бородами на манер чеченских боевиков грузина и таджик. Грузины это,

блять, нация созданная для тюрьмы. Там они реализуются по-полной. Занимаются любимым делом – базарят по-понятиям, колотят понты, изображают авторитетов...

Несмотря на это, смотрящим был таджик. И звали его Джамшуд. "Джем". Если встречу эту тварь на воле – втопчу в асфальт. Был он сраным гастарбайтером, приторгововавшим наркотой. За что, собственно и приняли. Сел он удачно – в тюрьме оказалось до чёрта авторитетных земляков, которые и пропихнули его на место смотрящего по хате. По-русски эта сушёная макака говорила очень плохо, путалась в падежах, родах, склонениях. Про акцент я молчу. Но вид имела гордый и даже надменный. Командовала всеми, смотрела презрительно. Вышел у нас с ним к концу первой недели рамс.

– Ей, ти чо ничо ни делаишь? – завижжал на меня тэдж, когда я в очередной раз мазался от работы.

– Ээээ... Ну я письмо пишу.

– Ей, ти вся неделя письма пишешь!

– И что?

– Деману памаги!

– Допишу – помогу.

– Ей, ти чо ни видишь – питак грязнай?

А я–то зря не сидел – слушал, как что обосновывать надо.

– А ТЫ видишь? Почему тогда ТЫ не убираешься? Впадлу?

– Ей, ти скока сидишь, так базаришь?

Тут подключается Хилл, второй смотрящий – неофициальный, так сказать. Русский парняга, по авторитету он на порядок превосходил Джема, но Джемовских связей у него не было. Однако всю тюремную жизнь он просёк куда лучше таджика

– Тормози, Джем! Какая разница, кто сколько сидит? Вон Демон два года отсидит, а так с ковырла и не слезет, а Рыхлый за два месяца смотрящим стал!

– Да он ни делаит ничо – сматри пишит апять!

– Письма – святое – отрезал Хилл, опередив меня.

Джем обиженно клацает зубами и в сердцах прописывает Демону пендель.

Глава восьмая

Пролетело ещё несколько дней. Я продолжал отлынивать под любыми предлогами от какой бы то ни было работы по уборке. Пару раз, правда, пришлось взять веник в руки, когда уже чувствовал, что на меня из-за моего разгильдяйства начинает косо поглядывать вся хата.

Я же присматривался к "дороге". Что такое "дорога"? Тюремная почта. Почта в прямом смысле слова. Позволяющая передавать не только

"малявы" – записки с текстом, но и "грузы" – посылки с самым разным содержимым. Технически – верёвки, идущие от камеры к камере по внешним стенам тюрьмы, по сливным трубам сортиров, по трубам вентиляции...

Люди, "стоявшие на дороге" не утруждали себя уборкой. Да и отношение к ним было не в пример лучшим, чем к касте уборщиков. "Дорога – святое!". В задачи стоящих на дороге входило знание кодов–цинков, которые выстукивались в стену: три раз – принимай, два – подтянись на решку, один – забрал... Это самое простое описание, всего же цинков было около десятка. Так же в обязанности дорожников входило налаживание связи и контроль за состоянием "дороги".

Смотрящие на дороге стояли редко, грузины тоже, ненабравших авторитета арестантов к ней не подпускали. Вот и выходило, что "дорожниками" были самые приятные в общении парни – русские, неглупые, уважаемые. Я постарался вписаться в этот движ... Получилось, причём довольно просто – интерес я выражал к дороге явный и неприкрытый, несколько раз отправляя маляву спрашивал пацанов, мол, давай я сам, чего я тебя дёргать буду. Интерес подметили, тупым я вроде никогда не был.

Выучил несколько несложных узлов и цинков, узнал, что будет за проёб малявы, а что за проёб контроля и забыл как выглядит веник. Казус же вышел прямо через несколько дней. Гнали грузы с соседней хаты и там дорожник запутался в цинках. В таких случаях нерадивому коллеге обычно делали устное замечание. Я долблю в стену, подтягиваю соседа на решку, и учтиво интересуюсь:

– Ты чо, долбаёп? Хули ты цинкуешь?

– Э, бля, ты чо так базаришь? – голос злой, наглый.

– Цинки выучи, а потом на дорогу лезь, бля!

– Это кто?! С кем я разговариваю?!

– А кто тебе нужен? – хуясе, думаю. Оно ещё и не с каждым разговаривает.

– ЭТО ПАВЛУХА!!! – гордо так орёт... Павлуха, блять.

– А это Илюха!

– Ты... бля... ты чо?! – слышу крайнюю степень охуения в голосе собеседника.

– Слушай, позови кого поумнее...

Как оказалось, Павлуха – это поставленный Бачукой смотрящий по малолетке. Смотрящий по малолетке взрослый бродяга назначил смотрящим по малолетке несовершеннолетнего бродягу и дал ему в напарники ещё одного смотрящего по малолетке несовершеннолетнего бродягу – Рыхлого. И тот смотрящий, и этот, и третий. Запутаная херня.

Я вообще не знал, что есть какой-то там Павлуха. У нас в хате он не котировался абсолютно – многие сидели поболее его и Павлуха был при

них "зелёным". Причём, "зелёным" не самым уважаемым. И на месте смотрящего по малолетке он смотрелся странновато с их точки зрения. Политика, бля – связи, знакомства... Своим бы авторитетом Павлик смотрящим бы не стал.

Во время нашей беседы все кто в теме дружно ржали. Павлик орал, требовал смотрящих по моей хате, мне шёпотом подсказывали, чтоб я ему сказал, дескать, спят они. Павлик орал – "Буди!!!", я на это отвечал – "Ты что, ёбнулся? Сон это святое!". Кончилось всё тем, что Павлик ударил один раз в стену – "расход" – и соскочил. А когда бьют один раз посреди разговора, это как на хуй посылают. Я его вытянул обратно на беседу, на кураже ору "Хули ты расход бьёшь?". Слышу в ответ совсем другой голос. Это был второй смотрящий, Рыхлый. С ним ругаться не хотелось, спокойно пообщались. Представляю реакцию Павлухи, когда он узнал, что его отчихвостили "зелёный".

Как я уже писал, в обязанности "дорожников" входило налаживание связи между хатами. Наладить связь "по воздуху" пришлось довольно скоро – порвался старый "конь". Для начала распустили насколько носков. Получились здоровые такие мотки шерсти, хлопка и синтетики. Затем втроём скрутили из этих мотков верёвку метров двадцать длиной и толщиной чуть меньше моего мизинца – это и был "конь". Далее "старый зек" по кличке Пиздюк – сидел дольше всех на малолетке, о нём подробнее чуть позже – отколол от общей вешалки несколько длинных щепок. Состыковав их с помощью ниток он собрал длинную тонкую тросточку с перекладкой на конце – удочку.

В другой хате в это время, как выяснилось, готовили из тетрадных листов и хлебного клейстера подобие плевательной трубки американских индейцев и "валанчик" – снаряд с прикрепленной к нему ниткой. Пиздюк вытянул парня из соседней хаты на решку, выставил "удочку". Парень совершил мастерский плевок, "валанчик" перелетел через "удочку" и нитка перехлестнула деревяшку. Пиздюк затащил нитку с "валанчиком" в хату, привязал к ней "коня"... Два удара в стену...

– Забирай осторожно! Куда, блять, так тянешь? Ты что, контуженный?

– Всё, приняли!

– Подвязал?

– Подвязал!

– Заебись! Расход!

Глава девятая

Петухи

На всей малолетке петух был только в одной хате в те годы. Однако это совсем не значит, что петух был всего один: их просто щемили в

"обиженку" – специальную хату для такой публики. Там маялось ещё четыре пернатых. И всё у них было по-взрослому – смотрящий по хате, понятия.

С чьей-то подачи (будь благословен тот человек!) считалось ненормальным, когда пацан ебёт пацана – даже ходила такая подъёбка в адрес тех, кто успел попользоваться петушка под хвост: "пидор, получается, пассивный педераст, а ты – активный". Спорили, по этому поводу много. Но против логики не попрёшь.

Вообще, чтобы попасть в касту опущенных надо быть полным долбоёбом по жизни. Видел я петушиное построение на продоле – ну нет среди них людей, про которых можно сказать "блин, а этот-то с виду нормальный, как же его так угородило". Все дефектные.

Встреча с одним из них на этапе подтвердила это предположение. Пидором бедолага стал по своей глупости – развели на пилоточника. Причём парень с его двора, также оказавшийся в заключении, утверждал, что тот вообще с бабами никогда ничего не имел – не то что там в половую щель по уши заныривать, даже за руку не держался к своим 15-ти. Однако при разговоре Гашист – такое погоняло было у пидора – ответил утвердительно на вопрос о своём участии в подобных забавах. А на тюрьме как – назвался груздем...

Зашёл на ИВСе к нам в хату, не представился. А должен был. Первым делом должен. Как только порог переступил – сразу "Я такой-то такой-то, по масти пидор". Постеснялся, чуть всех нас не перегазил. Хорошо, друг его дворовой представил птицу как надо.

Сам по себе Гашист внешне омерзительный – запущенный, в каких-то лохмотьях, грязный. Честно, напрягает с таким существом делить и без того не самое приятное пространство. Сидит у парашаи прямо на пятаке, вздыхает тяжело. Какой-то, блять, груз прямо создаёт своим присутствием. Ну и на хуй тебе этот плеер понадобился? – так и хотелось у него спросить. Кража – копеечная, а что получил в итоге?

Пресс-хаты

Разговор о пресс-хатах надо начать с двух тезисов.

1. Выстоять против пресс-хаты практически невозможно.
2. Если вас хотят сломать – вас наверняка сломают.

Хотя из любого правила есть исключения. Доподлинно знаю только об одном: Дима "Синий". При взгляде на эту личность, тени сомнения в том, что он мог загнать под шконарь четырёх мусорских шнырей, не остаётся. Дима – здоровенный, почти двух метровый мужик, сибиряк. Весь покрытый татухами – отсюда и погоняло "Синий".

Срок получил за странное деяние – засунул "лимонку" в капюшон барыге, сидевшему в авто. Авто разворотило розочкой, барыгу разорвало в

ошмётки. Почему Дима Синий это сделал и каким образом сам остался невредим, мне неизвестно, но судили его именно за это. После каких-то тёрков с тюремным начальством Диму закинули в пресс-хату, где поломали уже прилично народу. Он там провёл полчаса.

Ровно столько времени хватило этой туше, чтобы измочалить до полусмерти четырёх махровых беспредельщиков. В тот же день пресс-хата была расформирована ввиду вывода из строя её актива. А тюрьма праздновала победу.

Что же такое пресс-хата? Это камера, в которой ментами собрано от трёх до семи (чтобы меньше или больше не слышал) человек с задачей ломать каждого вошедшего арестанта. Заводят туда по одному и редко когда больше чем на день. Суток хватает абсолютному большинству.

На малолетке пресс-хату по образу и подобию взрослых пресс-хат создать было невозможно. Народу мало. Менты решили действовать по другому – взяли здорового, но не шибко уважаемого бугая Фрица, подвели его под сотрудничество с администрацией, а затем поставили ему ультиматум: либо ты возглавляешь хату, куда мы будем забрасывать только "зелёных", несудимых, и ты их там ломаешь и прогибаешь как нам надо, либо мы раскрываем твоей хате глаза на то, что ты "сука". Выбора у Фрица не было и он рьяно взялся за дело.

О пресс-хате Фрица, уже расформированной к нашему приезду на централ, ходило много легенд. Там опускали, избивали до полусмерти, калечили, издевались. Там можно было проснуться от запаха собственной палёной плоти, когда тебе на голое тело клали раскалённый докрасна кипятильник... Там можно было получить в морду тряпкой с кончой и на всю жизнь прописаться под шконарь... Там резали и грызли себе вены, пытались повеситься... Там... Да много чего "там", большинство непечатное, из серии "там один чуть от потери крови не умер, когда ему Фриц в ж*пу арматуру засунул и все внутренности разорвал"...

Менты, видать, сами офигели от беспредела Фрица и разогнали пресс-хату. Его самого за сотрудничество обещали отправить на "красную зону", но туда он по слухам не доехал – прирезали в дороге.

Менты в тюрьме

БСМ – это "бывший сотрудник милиции". Так называют мусора, попавшего в тюрьму. Сидят они в отдельных хатах, на этап ездят в отдельных отсеках автозаков – "стаканах". Часто "стакан" им приходится делить с пидорами. Тюремная жизнь для них особо не отличается от неё же для обычных арестантов – та же "дорога", те же дачки, кабанчики, фанычи, шлёмки и вёсла.

С бсм-щиками мы встречались в основном на этапах, все они какие-то блёклые и зашуганные были – мало кого улыбала перспектива быть

закинутыми в хату к "озверелым малолеткам" в качестве "воспитателя": была практика подсаживать в камеру к несовершеннолетним типо как для присмотра за ними. Не знаю, остался ли этот долбоебизм и применялся ли он широко по стране, но затея наиглупейшая.

На малолетках сидит достаточное число абсолютных отморожков, да и противоправные действия в отношении мусора, пусть и бывшего, тюремным сообществом прямо скажем не осуждаются. Сколько ментов были опущены или избиты, попав "воспитателями" к малолеткам, мне неизвестно. Возможно, этот процент был и не так высок, как я предполагаю.

АНДРЮХА ПУХ

Увидев этого субъекта, мы подумали, что это какой-то авторитетный бродяга – мужик ставил себя так, что я ебу. Здоровый, толстый, лысый, бородатый, в майке, из-под которой виднелись узоры татуировок, Андрюха Пух представлял собой совершенно нетипичного мента в заключении.

Абсолютно раскованный, неплохо вписавшийся в тюремную жизнь, он сразу представился – мент. Бывший, естественно. И понеслось...

Замутил водки через пупков, забухали... Потом замутил колёс, приторчали... Весь, сцуко, на движняке. Поехали на суд вместе, увидели его бабу – писец. Модель, бля. Высокая длинноногая блондинка, чертовски эффектная.

В "конвоирке" Пуха посадили с пидором, Андрюха сразу посоветовал ему отсесть. Пидор был со взросло, махровый. Реально петушина – у него замашки хуже чем у Моисеева, бля. Кличка – "Ирка"

"Ирка, твой, что ли?". "К Ирке пополнение" – пытались поддеть Пуха арестанты. Тот не реагировал. Нервы – стальные. Кидались в него бычками – не реагировал. Бросили пару пробок – нет реакции.

Мы сидели как раз вместе с этими арестантами, было перед ним неловко – классный мужик, да и поступок совершил благородный – ментам не понравилась реплика одного пиздюка на КПЗ, они подорвались лупить того дубинками, а Андрюха его прикрыл собой, – но что поделать? Делать нечего, ага. Правила игры установлены и все играют по ним. И Пух, и мы...

Глава десятая

Пиздюк

Самым "старым" зеком был Пиздюк. Старым в смысле имеющим наибольший "стаж" отсидки на централье. Его посадили едва ему исполнилось 14 лет и так он с той поры и сидел.

Вменялось ему в вину совершение дикого числа краж – штук под сорок, что ли. Среди терпил были даже звёзды телевидения.

Пиздюком он был прозван за малый рост и молодость. Годы прошли, Пиздюк немного подрос и повзрослел, а погоняло так и осталось. Ничего стрёмного в нём не было – почти в каждой хате был свой "Пиздюк". Один из моих подельников, А., тоже получил такое погоняло.

На примере Пиздюка можно было убедиться, какое страшное влияние тюрьма может оказать на организм – до зелени бледный, худосочный, начинающий лысеть, с исчифированными до черноты зубами, Пиздюк каждое утро начинал с надрывного кашля и харканья в дольняк сгустков крови. Было безумно жаль его, парень был просто ахуенский – весёлый, не унывающий, умный, несмотря на 1 (один!) класс образования. Последним фактом Пиздюк даже гордился. Впоследствии он стал смотрящим по хате.

ПАУК

Пауку не повезло. Нет, сам он ангелом не был. Совсем нет – дерзким, заколотым за год заключения тюремными татухами от костяшек пальцев до шеи и весьма уважаемым в хате пацаном он был. Просто конкретно в том, в чём его обвиняли, он был не виноват. А обвиняли его в опиздюре мента.

У Паука же было несколько листов свидетельских показаний, что он в момент совершения преступления находился на другом конце города, на дне рождения у друга. Что и было зафиксировано показаниями двадцати человек, среди которых как молодёжь, так и родители и взрослые родственники именинника. Суд показаниям не поверил... Пауку дали пять лет несмотря ни на отличного адвоката ни на обращение мамы Паука к бабке–колдунье, живущей в лесной чаще где–то под Владимиром.

Заява от мента круче всякого оккультизма.

САНЧЕЛА

Санчеле тоже не повезло. Хотя он–то был виноват и вину свою признавал. Даже пытался изобразить раскаянье. Неубедительно. Пьяный в стельку зимой возвращался с деревенской дискотеки, до дома было идти далеко и холодно. Угнал "Запорожец". Доехал до дома, "Запорожец" навернул в кювет, поджог и пошёл спать. Разбудили менты.

Статьи 166³ и 167⁴ УК РФ и три года заключения по приговору суда. Хамоватому чернявому поселковому мачо судья не поверил ни разу и

³ Статья 166. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения

Санчеллино гениальное последнее слово, нацарапанное на мятом тетрадном листе в клеточку, впечатления ни на кого не произвело. Да и пох, одним вырожденцем на воле меньше.

ОСЁЛ

Осёл был очень похож на бабу. На красивую, породистую самку. А вот на пацана он походил мало.

Утончённое личико, женственные жесты, артикуляция, высокий голос... Телосложение – субтильное. Характер – истероидный. Как-то раз, чисто в порядке глума, Ослу натянули на голову парик из чёрных ниток и заставили его накрасить губы красной гелиевой ручкой. Также ему в качестве прикида подогнали "юбку" (сделали из старых спортивных Демона") и "топик" (крупная сетка от тех же демонических спортштанов)... Ебаааать... Судьба Ословой задницы повисла на волоске.

Сидел он по дикому тупизму: мальчик из хорошей семьи, весь из себя положительный ботаник, решил доказать себе, что крут. В компании второго такого же ботаника (погоняло – Чебурашка) он спиздил из гаража у какого-то дедка зимой из сарая на санках мешок розеток. По следам этих санок дурачков и нашли. Зачем двум задротам туева хуча розеток? Даже сам Осёл этого не знал. Въебали зато от души – два года.

На централье ему, можно сказать, повезло – пидором не сделали. Правда, Фриц ему в жопу запихал зубную щётку... Но старшие

1. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон) – наказывается штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

2. То же деяние, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) утратил силу. – Федеральный закон от 08. 12. 2003 N 162–ФЗ;

в) с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, – наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев либо лишением свободы на срок до семи лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой либо причинившие особо крупный ущерб, – наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, – наказываются лишением свободы на срок от шести до двенадцати лет.

⁴ Статья 167. Умышленные уничтожение или повреждение имущества

1. Умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти деяния повлекли причинение значительного ущерба, – наказываются штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок от ста до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. Те же деяния, совершенные из хулиганских побуждений, путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом либо повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, – наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

постановили – в опускание это не засчитано. Зато в колонии ословый попке точно пиздец... Каким надо быть мудаком, чтоб осудить типка, подобного Ослу, на два года за несколько украденных розеток, которые к тому же вернули?

КОЛЯ АККУМУЛЯТОР И ЧИП

Чип сидел уже долго. Не по годам взросло выглядящий парень с залысынами, крепкий и лопоухий. Сидел он за убийство паренька, на которого навёл тень Юра Цыган – мир тесен. Читал я его обвинительное заключение, особенно поразила фраза следователя "пинал голову потерпевшего как футбольный мяч". Сам по себе Чип был злым и суровым уличным гопарём. А шконарь он делил с Ослом. Из этого соседства периодически выходили разные приколы: Чип постоянно подьёбывал Осла на тему его женственности – то по жопе хлопнет, то за титьки мацать начнёт. Осёл визжал по-бабьи и грозился от Чипа уйти. Все уссывались.

Колю закинули через месяц после моего прибытия и я был полностью уверен, что он обречён составлять Демону компанию в уборке хаты. Собственно, не я один. Коля был в диких гонках. "Быть в гонках" – на тюремном сленге означает испытывать подавленное состояние в крайней степени. Коля был весь в своих мыслях, весь во внутренних переживаниях. На внешние раздражители из-за этого реагировал вяло и неохотно. Со стороны же всё выглядело так, будто он был просто дибиллом по жизни.

Здоровый, с искромсанной в автоаварии рожей, Коля сел за кражу аккумулятора, из-за чего и получил одноимённое прозвище. С каждым днём погружённого в себя парня забивали всё больше и больше и недалёк был час, когда бы его задвинули за ту черту, откуда не подняться, но помог Коле случай. На Централке вспыхнула эпидемия желтухи. У нас ею заразились двое – Чип и Коля. Им двоим предстояло провести в двухместной хате безвылазно четыре месяца в обществе друг друга.

Вернулся Коля совсем другим человеком. Наглый, рамсовой, острый на язык и не лезущий за словом в карман типок с живыми злыми глазами мало походил на прежнего отмороженного затюканного маникена. В свой срок Коля стал смотрящим за малолеткой, потом его закинули на зону. Появление на зоне Коли Аккумулятора мне красочно описал один кентуха – Колян заходил туда с двумя бритвами за щеками, так как знал – сразу будут пробовать сломать. Говорит, видок окровавленной аккумуляторной пасти, из которой он достал две бритвы, здорово напугал местный актив.

Чип же прямо с карантина ушёл на взросляк.

– Этого–то за что? – подумал я, когда в камеру ввели пухлого паренька здорово смахивающего на Евгения Леонова. На бандита не тянул. Лицо доброе, реснички длинные, сам весь круглый, одежка бедненькая и такая... хммм... как сказать... в таком обычно дома ходят – спортивные штаны "с начёсом", мягкая толстовка с карманами на животе с аппликацией в виде поросычьей мордочки... Парень заходит, улыбаясь, оглядывает камеру, ставит баул в углу. Демон, завидев его, начинает суетиться вокруг, явно рассчитывая, что новичок перейдёт под его командование. Толстячок тем временем неторопливо подходит к дубку, садится, наливает себе чифира. Демон всё пытается выпытать его имя. Сделав большой глоток чифира, пухлый роняет небрежно:

– Лекс.

И выкладывает правую руку на стол. На руке наколота неебовая звезда. Типа, не подам руки мусорам.

Лекса, как оказалось, знало минимум полхаты – почти все давно сидящие либо были знакомы с ним лично, либо были наслышаны. Человеком он был с репутацией махрового беспредельщика и с большим тюремным стажем – уже прошёл спецшколу, Бутырку, пятёрку, колонию... Наглухо криминализированный, жёсткий, отмороженный. С безобиднейшей внешностью это не состыковывалось вообще никак.

Вписка на шконарь для "знаменитости" нашлась только у меня. К этому времени я уже выписал Демона и несколько недель спал как король. Даже у смотрящих был один шконарь на двоих, я же отдыхал почти как дома. "Сожительство" с Лексом было тяжело. Он, блять, был аЦЦки конфликтным типом. А когда у тебя один шконарь на двоих, возникают различные столкновения интересов хотя бы чисто бытового характера. Например, по поводу очередности сна. Если ты сова, а твой сосед – жаворонок, то всё понятно и легко. А когда вы оба совы или жаворонки? Тогда начинаются трения, разногласия. С Лексом доходило до драки несколько раз. Растаскивали.

... Махаться он любил. Первый же наебок отвесил Демону буквально на следующий день после прибытия. Также под его горячую руку попали почти все "зелёные". Даже смотрящие пытались несколько раз его одёрнуть – мол, хорош беспределить. Однако особыми авторитетами они для него не были. Не знаю, был ли для него авторитетом кто–либо вообще...

Таджика он умудрился послать на хуй, нарушив тем самым одно из основных тюремных табу. Лекс делал паштет из рыбы, входившей в состав баланды, Джем что–то начал ему предъявлять. Рыбу эту до появления Лекса никогда не брали – что там брать, одни кости, "братская могила" её называли. Лекс набрал её за всю хату, начал мутить паштет – отделять жалкие крохи плоти от кучи костей. Джем же влез, типа, "хули ты рыбу на

паштет изводишь, это не по понятиям, может кто-то паштет не хочет". В ответ азиат получил массу ненормативной лексики. Завязался рамс, в котором Джема послали на хуй. ростояв несколько секунд в оцепенении, Джем стал давить на то, что в тюрьме на хуй слать нельзя, могут ведь и спросить. А Лекс на это совершенно серьёзно ответил, что если его начнут спрашивать, то придётся Джема в жопу отмочалить – за слова же надо отвечать.

Такой дерзости к смотрящему я не слышал никогда. Да и никто не слышал.

– Ей, эта жи биспридель! – возмутился Джем

– А ты что, не знаешь, что я беспредельщик? – поигрывая "пикой", измазанной рыбьей требухой спросил Лекс. И глаза у него блестели. Сомнений, что он эту пику в глотку может вогнать, у Джема, видимо, не было. Рамс на том и рассосался.

Надо сказать, что титул беспредельщика был у него практически официальным – во время его предыдущего "заезда" приходил положенец спрашивать с Лекса здоровьем за применяемое с завидной регулярностью рукоприкладство и полное пренебрежение к указаниям смотрящих. Судя по тому, что таких мер не удостоился даже упоминаемый ранее Фриц, можно сделать вывод, что Лекс отжигал в своё время по-полной.

Позднее Лекс стал напополам с Пиздюком смотрящим за хатой, а через несколько лет после откидона я видел его по телевизору. Было довольно громкое дело по грабёжам, где Лекс проходил как главарь банды. Журналюги брали у него интервью. Совершенно невозмутимый наглый сволач.

Глава одиннадцатая

ХИЛЛ

Второй смотрящий по хате, получивший своё погоняло ещё на воле за любовь к одной забугорной рэп-группе, Хилл представлял собой противоположность Джему. Умный, творчески мыслящий парень. Отличный татуировщик, неплохой писака (любовные письма на 20 страниц писал да ещё и со стихами собственного сочинения)... Талантливая личность... Доставал из кирзача ржавый супинатор и через пару дней делал из него такой кинжал, что, как говорится, любо дорого посмотреть... Брал машинку для татуирования, собранную из старого плеера, набор из 36 гелиевых ручек и к вечеру на чьём-нибудь теле красовался такой узор, что ему могли бы позавидовать во многих салонах... Садился ночью рисовать на стене икону и к утру на вас смотрел Иисус просто охренительно нарисованный... Хилл постоянно наводил какую-то движуху – то чётки мастерил, то мундштуки, то ножи, то

ладанки... То Демона одевал в несколько телог и заставлял изображать грушу. Хуярил бедолагу так, что через три ватника у уще́рба вышибало дыхание. Вообще, Хилл своим образом жизни опровергал расхожее выражение "гений и злодейство – вещи несовместные": он был крайне озлобленный, жестокий, циничный и одновременно с этим безумно одарённый, интеллектуально развитый и эрудированный. По характеру – лидер. По телосложению – бугай.

ПЕТРОВНА

Когда привели это существо, я подумал – гуманоид!!! Ростом полтора метра, щуплый, практически без нижней челюсти, со здоровенной башкой, вытянутой кверху. В совершенно диком прикиде – женские красные сапоги по жопу, чёрная телогрейка, под ней овечья жилетка и свитер размеров на пять больше. На ногах что-то вроде джинсов. Грязный весь как кочегар. Отозвался на Петра. Но Петром его перестали называть практически сразу – Петровна, окрестил его Лекс.

Глядя на Петровну, я как-то пошутил насчёт инцеста. Оказалось, в этот раз я не ошибался – родители данного существа были братом с сестрой. В грехе зачав и родив ребёнка, мать попыталась от него избавиться, но бабка забрала Петровну к себе в какую-то ебенячью деревню. Там и жил сей доблестный олигофрен, доказывая каждым днём своего существования опасность кровосмешения.

И справка у него была, что он дурак. В ней же разъяснялся вопрос странной формы его черепа – Петровна упал с 24-х метров (крыша единственного в деревне высотного дома) башкой вниз на асфальт. Остался жив, но череп раскололся. Случилось это, когда он был ещё совсем маленьким, так что черепок зарос, став необычайно толстым и нечувствительным к боли: как-то со злости на тупость Петровны я въебал ему по чайнику кулаком. Ощущения как от удара о стену. А Петровне не больно.

Тупил он, надо сказать, дико. Думаю, он запросто мог бы стать антифашистом, до того был тугодумом. Даже самые простые распоряжения давались ему с трудом, да и нервов на объяснение поставленных задач уходило до хера. Пристроить его к какой-либо работе, требующей самостоятельности, не представлялось возможным, потому он был отдан в полное распоряжение Демона.

Тот даже приосанился, разогнул согнутую малолеткой спину, в голосе появились прежние борзые нотки. Власть, даже такая ничтожная, меняет человека. А вообще, они забавно смотрелись вместе – уродливый беззубый прыщавый орк и не менее уродливый большеголовый карликовый гуманоид. Оба в рванине – родители им не помогали, а из запасов хаты нормального шмота выделять им никто не собирался. Оба на

самом грязном и неудобном шконаре под окном. Зимой, когда юзали "дорогу", окно часто забывали закрыть и на шконарь залетал снег. В тепле хаты снег таял, впитываясь в истёртое до дыр одеяло–казёнку, и этой влажной тряпкой потом укрывались Демон и Петровна.

КОПЧЁНЫЕ

Грузины. Две штуки. Называли себя "копчёные". Косили, почему–то, как я уже писал, под ваххабитов – округлые бороды, неприличной для тюрьмы длины патлы. На воле промышляли с их слов гоп–стопами. Истории – пиздец. Стволы, иномарки, стрелки по двести человек, воры в законе, чемоданы с баксами, понятия. Им бы сценарии для боевиков криминальных кропать. Одного, как я уже писал, звали Вусал. Второго не помню.

Его довольно быстро перевели на взросло и успел он отметить только тем, что, скорее всего, цепанул ВИЧ и набил себе наколку как у Памелы Андерсон.

Первое произошло по вине Геры – наркоша укололся шилом. Чего–то им ковырял, шило соскочило и пропороло ему руку. Кровища, все дела. Шило Гера замыл. Этим же днём грузин от скуки взялся тыкать шилом между пальцев – кинжал представлял себе, наверное. И проткнул палец.

Через полчаса после этого заходят менты и говорят Гере, чтоб тот уёбывал с вещами в "три–ноль–девять" – спидовую хату (кстати, обещание наложить на себя руки в случае обнаружения у него смертельной болезни торчок не выполнил). У грузика измена дикая. Вусал же сразу начал "братуху" сторониться. Даже партак набить не помог.

Сыны гор испытывали какой–то суеверный страх перед СПИДом – Гере, как я уже писал, с их подачи долгое время запрещали брать в руки "швейку" (иголку для зашивания одежды), бриться (даже своей бритвой! хотя хули там ему брить?), хавать из общей посуды (ничего против этого не имел, но СПИД так не передаётся же!), пользоваться "мойкой" (лезвие из бритвенного станка, использовавшееся как замена ножницам). Второй чурко колол татуху себе сам, бормоча под нос какие–то проклятия на грузинском. Забавно было смотреть на это бородатое чучело в диких гонках набивающее корявую колючку вокруг бицепса.

ИБРАГИМ СУЛЕЙМАН–ОГЛЫ АХМЕДОВ

Низкорослый кривоногий шерстистый пучеглазый ублюдок с интеллектом, недотягивающим до интеллекта моей кошки. Животное почти не знало русского языка и лопотало такую ересь, что таджики из "Нашей Раши" просто рядом не стояли. Приписывали ему какую–то дичь: ограбление квартиры с использованием "предмета, похожего на автомат

АК–74" в качестве оружия и ограбление женщины с использованием "предмета, похожего на пистолет" Откуда у арбузника пистолет, а тем более "Калаш" – понятия не имею. Есть вариант, что менты его просто накручивали.

Попытка примостырить хача к чему–нибудь полезному потерпела фиаско. Абсолютно ни к чему не годен. На дороге стоять – русского не знает. Хату убирать – так ещё грязнее становится. Посуду мыть – чай потом как бульон. Лекс срывался, пиздил обезьяну так, что шерсть по хате летала.

Чёрные поначалу пытались Ибрагима защитить и подтянуть, но поняли, что бесполезняк. Этот имбицил был даже тупее Петровны. Единственный зафиксированный случай проявления какого–то мыслительного процесса произошёл с ним, когда он проебал свою жопу.

– Ты утром подметал? – спрашивает его Лекс.

– Падмиталь, падмиталь – радостно кивает Ибрагим.

– А хули пятак грязный? Ты меня наебать хочешь, что ли?

– Неть, ни хачу, падмиталь, падмиталь!

– Жопой ответишь?

– Атвечу!

– Значит, если ты пятак не подметал, то я тебя в жопу ебу?

– Ипёшь, ипёшь – азер лыбится во всю пасть.

Лекс будит бодрствовавших утром и в течении пяти секунд раскрывается ложь.

Вмешавшиеся смотрящие остановили противоестественный акт мужеложства до дальнейшего разбирательства. Ибрагимка же как–то умудрился швырнуть маляву не кому–нибудь, а самому Джубе, смотрящему по централу. Кавказоиды впряглись за его мохнатую попку и Лекс остался без наложницы.

ЗОТ

– Ты – малолетка? – с недоверием спросил Хилл, когда менты пропихнули в тормоза здорового парня, бритого наголо.

– Да – густым басом ответил тот – мне шестнадцать.

– Ни хуя себе! – дружно охуела хата.

Слава Зот реально поражал габаритами. Мясной фанат, он продавал на рынке пиратские кассеты, а вырученные деньги вкладывал в раскачку своего туловища. Получалось это у него неплохо.

Приняли Славу за звеское избиение сразу трёх человек. После какого–то матча Зот возвращался домой и сцепился с мужиком. Что именно ему не понравилось изначально, Зот уже не помнил... Воспроизвёл лишь финальный аккорд:

- Спрашиваю его, ты откуда? – рассказывал Слава о мужике – Тот отвечает – "Из Оренбурга". Я ору "Из Оренбурга?!!!" и бью ему в пачку.
– Зот, а чего ты Оренбург–то не любишь?
– А хрен его знает.

Смешного, конечно, мало: после одного–единственного наебка мужик впал в кому.

Два других потерпевших отделались телесными повреждениями различной тяжести и распрощались с частью имущества – один потерял часы, когда пытался остановить Зота ударом в морду, второй лишился дублёрки когда от Зота убежал.

Силища у Славы была невероятная – семь человек на нём висло, а он их без особых усилий таскал, руки связывали верёвками, толщиной с указательный палец – рвал. Что с ним стало после моего откидона, к сожалению, не знаю – связь утратилась: Зота перевели с централа, пока дошло первое моё письмо. С ним я по–настоящему сдружился. Он оказался единственным человеком, которого я мог без всяких оговорок назвать другом.

Глава двенадцатая

Мы с подельничками были лишены возможности общаться друг с другом лично – видеть парней мне удавалось лишь когда выводили на прогулку. Коротко перебросился с ними приветствием, получил поджопник от "пупка" (мента тюремного) и попиздовал в захарканый зековскими соплями дворик. Вообще, прогулки мне не очень нравились – минут десять блуждаешь по мрачным коридорам централа, исполняя команды "Стоять", "Руки за спину, блять" и "В пол смотри, сука", получаешь тычки и поджопники и всё ради сомнительного удовольствия попасться пятнадцать минут на пятачке 5x10 м², сплошь зашкварённом туберкулёзной слюной, да полюбоваться на небо в клеточку. И потом десять минут обратно. Не айс, однако.

Пожать же друг другу руки первый раз мы смогли только во время поездки на изменение меры пресечения. В дикой холодрыге вхлам убитого мусорского "Уаза" я заметил, как изменился С. До заключения он был таким правильным обывателем – не пил, не курил, после 9–ого класса пошёл работать автослесарем – матери помогать надо было: С. рос без отца. Качался дома, боксом занимался – кулачины были набитые, запросто на спор разбивал ими деревянные ящики, колот бутылки. С девушками, вопреки чисто пролетарскому происхождению, был скромн, учтив и галантен. Никогда не давал себя в обиду, не признавая никаких авторитетов – если его задевали, лез в драку. Всё равно, кто был оппонентом – КМС по боксу, главный местный отморозок, пьяный ВДВ–шник или кто угодно другой. Даже если заведомо знал, что не одержит

верх – всё равно упрямо шёл и бил ебало. Получал, бывало, но супостаты редко хотели повторения драки.

Кроме одного – полного уебана, ныне представляющего собой полуразложившийся живой труп: у чувака ВИЧ и туберкулёз в последней стадии, последствия наркомании и скитания по зонам. Тогда же этот ублюдок был самым страшным беспредельщиком района – мог запросто подойти к молодой учительнице с вопросом "Дашь за цыцки подержаться?", мог, приставив нож к горлу, обмацать любую девочку, мог за пачку сигарет поставить перед всей школой пацана на колени... Абсолютно охуевшая мразота.

Давать пизды ему опасались – если он махался, то махался жестоко, до полного изничтожения противника. Не получалось решить всё файрплеем – лез в карман за ножом, хватался за палки или бутылки. Получал пизды – резал двери квартир, прокалывал шины у авто, караулил в подъездах. С ним С. бился раза три. Сурово, каждый раз в кровавые брызги. Нашла коса на камень – С. оказался одним из очень немногих, кого эта скотина не смогла сломать.

И вот в этом сраном "Уазе" передо мной сидел совсем не тот правильный, без вредных привычек, презирующий матершину, парень. Казалось, передо мной сидел махровый уголовник. С набитым на пальце перстнем, с традиционными для малолетки "один в четырёх стенах" и "в кругу друзей".. Разговор – строго по фене. Темы беседы – тюремные подъёбки вкупе с обсуждением тюремных новостей. Через всё лицо кривая ухмылка. Взгляд – колючий, волчий. Я его просто не узнал. Да, малолетка изменила всех нас – это безусловно. Но столь разительной перемены я не замечал не за собой, не за А. Встретив старых друзей, я автоматом вышел из режима общения в хате, переключился на вольный язык, на старые, дотюремные темы... С. меня не понял... Он уже весь был ТАМ. Тюрма его поглотила... Поменяла все жизненные ценности и ориентиры...

До заключения у С. была цель – выучиться на механика, получить права, работать, зарабатывать, жениться, квартиру получить, огородик, дачу... Простые цели обывателя, в этом нет ничего плохого. Пара месяцев всё изменила:

– Жена? Да на хер? Зачем мне хомут на шею, вон баб сколько, только пальцем помани, рогатки раскинут!

– Работа? Я что, мудака? Да я за вечер "отработаю" больше, чем ты за месяц отгорбатишь!

– Квартира? У тёлки перекантуюсь!

– Дача, огород? Я те кто, колхозник, что ли?!

Ранее С. всегда отличала спокойная уверенность в себе сильного человека. Стержень, пресловутый внутренний стержень, который одновременно помогал С. дать отпор кому угодно и не давал скатываться к беспределу – С. никогда не издевался над заведомо более слабыми. Теперь

же он собирался жить за счёт "терпил" – воровать, гопстопить... ..И похуй на национальность – он почерпнул тлетворного душка тюремного интернационализма...

Именно малолетка впоследствии привела к большой трагедии – через несколько лет С. покончил с собой, вскрыв себе вены... Он много пил все годы с нашего откидона, влезал в самые различные неприятности, крутился в криминальных кругах, бил себе всё новые партаки... Заводил романы – каждый раз с всё более сомнительными особами... И сам, как от природы очень умный парень, наверняка понимал, к чему ведёт такая жизнь. Вытащить его из этого омута было практически невозможно – невзирая ни на какие авторитеты, С. всегда и во всём шёл до конца.

Глава тринадцатая

Поездить пришлось много – несколько раз на одно только изменение меры пресечения выезжали. Безрезультатно. Почти все эти этапы остались смазаной хуйнёй в памяти – прощальный пинок под жопу от пацанов (смотри, не вздумай вернуться!), мусорские затрещины по дороге, шмоны, одевания–раздевания... Зато хоть какое–то разнообразие... Да и типажи попадались интересные.

Обычно малолеток на ИВС сажают отдельно от матёрых зеков – подальше от дурного влияния. Ранее уже была описана практика закидывать в камеру к несовершеннолетним БСМ–щика (БСМ – бывший сотрудник милиции, то есть мусор–зек).

В этот раз меня вкинули именно к "матёрым". Это я понял сразу, как переступил порог. Витиеватая феня, цифирь, кипящийся на "факелах" (обрывках чьей–то майки) в пакете, обмазанном зубной пастой. Воньца страшная, но эти люди без чифа уже не могут.

Предложили чифернуть, не отказался, заодно познакомились. Жилистый костлявый мужик лет 45–ти носил звучное погоняло Малина, выбритый налысо крепыш звался Вайтом. На "сцене" спал усатый тип, его отписали как Чапая – действительно, похож.

Вайт был, сцуко, нетолерантен и злобен. Агрессия сквозила в каждом его жесте, в каждом слове. А жестикулировал и говорил он много. Да и сама манера общения была такова, что создавалось впечатление, будто он тебе вот–вот вьёбёт. Меня это поначалу напрягло, но потом, глядя на Малину – явно не последнего человека, я понял, что рыпаться не стоит – просто пацан по–другому разговаривать не умеет. Малина же представлял собой умудрённого жизнью зека. Много повидавшего, много испытывавшего и вынесшего. Оба они были со строгого. И Чапай тоже.

Вайт, оправдывая погоняло, без перерыва хаял хачей. Вообще не затыкаясь. Кое–как я ввернул свои пять "националистических" копеек

Лучше бы молчал. Смотрел бы на Малину и молчал, на фиг. Вайт завёлся, начал махать руками как крыльями, гнать всякую хуйню насчёт Гитлера, Ницше, Третьего Рейха, расовых теорий и прочего. Он был под чем-то явно круче чифира, так загонять под чифом нереально. Целый день мы с Малиной слушали его ахинею. Точнее, приходилось слушать мне – Малина был весь в своих думках и тоже явно перекрытый. Пиздёжь Вайта оборвался лишь с пробуждением Чапая: тот посоветовал ему закрыть хлебало.

Перед вечерней проверкой менты занесли в хату мужика. Именно занесли – он был до того отхуячен, что ходить самостоятельно не мог. Как и за что его били, выяснить сразу не удалось ввиду отсутствия у него сил даже на разговор. Выделили ему свободный угол, уложили. Сокамерники опять взялись поднимать чифир, в этот раз я чифирить не стал, отрубился.

– Суки, рёбра поломали, бя... – вот что я услышал, когда проснулся утром. Мужик полулёжа ощупывал левый бок. Его узловатые пальцы действительно проваливались неестественно глубоко.

– Бля, ты смотри, не дай Бог лёгкие пробьёт! – сказал ему Вайт – Это же пиздец тогда...

– Пневмоторакс! – подтвердил Чапай – А ты чего кровью харкал с утра? Губы разбиты или что?

– Тубик у меня, блять – озадаченно пробурчал мужик.

– Жирного, жирного жри поболее! – Чапай был спец во всех вопросах сразу. Уникальная в своём роде личность – не имея никакого специального образования умудрился дважды вытянуть себя из тюрьмы. Самостоятельно, без адвоката. Тут бы ему и угомониться, но буйный нрав брал своё – Чапай сел в третий раз. Опять по подозрению в особо тяжком преступлении – убийстве.

– Да один хрен сдохну скоро – сказал мужик мрачно.

Ему было от силы лет тридцать и был он довольно крепок телом – широкоплечий, высокий, ширококостный. И совершенно заёбанный жизнью: потерял отца в 15, мать женилась во второй раз, с отчимом не сошёлся характером, бегал из дому, дрался с ним... Во время очередной драки отчима убил. Зарезал. Сел. Вышел через семь лет уже в совсем другую страну. Мать за это время успела спиться и умереть, жильё отошло кому-то... Бомж с волчьим билетом в середине девяностых – что ему оставалось делать? Ударился в криминал. Но и тут ему не поёрло – в авторитеты не выбился, погорел на каком-то пустыке, залетел обратно. Недавно опять вышел, устроился работать на мебельный завод, бабу вроде как нашёл... И снова встрял... Кража какая-то на заводе случилось – менты сразу к нему. Он якобы не причастен, идёт в отказ, садиться не хочет – ведь почти уже всё нормально стало! Счастье почти рядом! Получаю копейки? Ну и что, левачу, халтуру – руки есть, заработаю. Всё будет, дайте только подняться, не душите! Не дали. Естественно, всё

изложено с его слов. Думаю, нет оснований ему не верить – очень проникновенно он вещал. У меня аж комок к горлу подступил. Имени бедолаги узнать не удалось – менты уволокли его на "следственные действия".

– Я ж говорил: сдохну скоро – обронил он в дверях. Обратного его не привели.

Глава четырнадцатая

Приближался Миллениум. Это событие было необходимо отметить. В качестве эксперимента изготовили бражку по нехитрому рецепту: "вольный" хлеб, изюм, сахар, засыпанные в пластиковые бутылки и залитые тёплой водой, бродили несколько недель в тепле и темноте под шконками. Когда продукт дошёл, была произведена дегустация. Батл распили смотрящие, батл перепал мне и Зоту. На распитие к нам в компанию напросился Ибрагим Сулейман–Оглы Ахмедов. Взяли эту муслимскую харю чисто в приколы – посмотреть на неадекват. Полторашка была выжрана в один присест.

Меня не особо вставило – где–то как с бутылки пива, Зот вообще мог выжрать ведро подобной херни и не захмелеть, а вот Ибрагим... .. хача просто убило... Сначала он устроил пьяную истерику: орал, заламывал руки, очень эмоционально рыдал на параше. Вылез – весь в соплях, в слюнях... Блевотное уёбище... Сел за стол рядом с Зотом. Зоту это ни разу не понравилось – посоветовал абреку умыться. Того это оскорбило и мерзкая тварь попыталась броситься на Славона. Фанат успокоил чуркобеса одним тычком. Лёжа на полу, Ибрагим выдал дубль истерики. Катался по пятаку, орал что–то срывающимся на визг голосом. Креза полная. Пришлось усадить его обратно за стол, налить водички. То, что выкинула подлая ебанутая скотина чуть не стоило Зоту жизни. Прихёбывая между всхлипами воду, хач шарил свободной рукой под столешницей – там была приныкана "пика". Нащупав её, Ибрагим неожиданно для всех резко прыгнул на Зота, метя лезвием ему в горло. Сплохуй Слава хоть самую малость – вряд ли бы он выжил. Однако Слава не сплоховал. Увернулся. Хача скрутили, прописали несколько пиздюлин, попытались привести в чувство – приближалась вечерняя проверка. В чувство эта сука приходит не хотела. Прессовать его не решались – холодный трюм в декабре это пиздец. Убедили вроде вести себя нормально.

Тормоза раскрылись, заходят проверяющие. Мы выстроились "подковой" вдоль шконок, Ибрагима поближе к краю поставили, там не очень палевно. Мусора нас пересчитывают, всё чики–пуки. В составе проверяющих сразу два самых лютых мента – Кирпич и Терминатор. Вся хата молится, чтобы ничего хачара не выкинул. Кирпич – боксёр–

тяжеловес уровня призёра районных соревнований, у него кулаки быстрее мыслей. Только ты ему не понравился – БАЦ! – лежишь. Терминатор – вообще контуженый. Он какой-то вояка крутой в прошлом...

Красивый мужик с внешностью героя боевика, предельно жёсткий и суровый. С ним тоже шутки плохи... Но пока всё ровно... И тут Кирпич спрашивает:

– Жалобы, предложения есть?

Какого хрена он это спросил? Не знаю. Никогда раньше не спрашивал. Пересчитал – пошёл дальше. А тут, блять, проявил служебное рвение. Ну мы все такие:

– Нет... Нет... Нет... Нет никаких жалоб...

– Ну и отлично! – проверяющие поворачиваются и направляются к выходу.

– А пашель ты на хуй! – раздаётся в полной тишине голос довольный пьяный голос Ибрагима.

У меня внутри аж всё упало... "Это пиздец" – мелькнула сразу у всех одна и та же мысль. Хачара же стоял и нагло улыбался, глядя на медленно поворачивающегося Кирпича. Тот не сказал ни слова – просто въебал азику в душу. Бедолагу даже стало немного жалко – пролетев несколько метров, Сулейман-оглы пизданулся рядом с парашей. Если бы не стена, полёт бы вышел просто фееричным. Шмякнувшись о бетон, Ибрагим сполз на пол и остался лежать в позе эмбриона. Дышать хачик не мог, и не мне одному подумалось – "Сдох". Кирпич же взялся за нас.

– Ты, бля! – к сожалению, это было адресовано мне – Шаг вперёд!

Делаю шаг вперёд, получаю в пузо. Дух вышибло – изображаю нокаут. Кирпич подходит к следующему:

– На, сука!

К третьему:

– Вообще, блять!

...И далее по кругу:

– Малолетки!

– Блять!

– Распустились!

– Сюсюкаться!

– С вами!

– Никто!

– Не будет!

– Вы что, блять!

– Думаете!

– Я с вами!

– Тут!

– В игры!

– Играть!

- Буду!
- Да вот!
- И хуй вы!
- Угадали!

Каждое слово Кирпич подкреплял ударом, но на последнем слове случилась заминка. Немного удивлённо повторяет:

- Угадали!

Что-то идёт не по плану, хотя звук от ударов пугает.

Кирпич повторяет третий раз:

- Угадали!!!

После третьего наебка что-то массивное рухнуло на пол. Это был Зот. Такую раму даже Кирпич вынести с одного удара не смог.

Ибрагимка тем временем пришёл в себя и пополз блевать. Блевал он страшно – натужно, захлёбываясь, подвывая и скуля. Я уж обрадовался – думал, прибили на хер собаку. Но Кирпича такими соплями было не пронять. "Агонию" азера он прервал ударом своего ботинка неестественного размера. Ещё два удара – и Сулейман-оглы покидает пределы хаты. Тормоза закрываются. Мы переводим дух. Зот лежит на пятке и его пиздец как жалко – не смирил гордыню пацан, не прикинулся слабаком. Пострадал, блять, из-за ебаной чурковой хуеты.

Ибрагима вернули через несколько дней – предьявы ему делать не стали по настоянию Джема. Зот был сильно зол на азербота, но в данной ситуации ничего поделаться не мог – пришлось принять извинения.

История на этом не закончилась, к сожалению... Мысли о производстве спиртного смотрящих не покинули, однако теперь решено было заморочиться на крепких напитках. Был собран самогонный аппарат оригинальной конструкции – в чифербак залили брагу, бросили туда же шлёмку и два бульбулятора(самодельных кипятильника), сверху всё это дело накрыли толстым полиэтиленовым пакетом и обвязали шнурком. Бульбуляторы кипятят брагу, спирт испаряется, оседает на плёнке, собирается в капли в её центре и стекает в шлёмку. Система вышла на удивление эффективной – за вечер "накипятилось" где-то полтора литра ядрёного сэма.

Пойло оказалось убойным – от глотка спирало дыханье. Распито было в тот же вечер. Оказалось, что этого мало, решили повторить, только в больших масштабах и на более качественной бражке. Забив всё подшконарное пространство пластиковой тарой с брагой, стали ждать вызревания продукта.

За несколько дней до окончания процесса, в хате происходит жестокий шмон... Менты впадают в ступор, извлекая баклажку за баклажкой из под шконок. Дежурный получает жестоких пиздюлей и вылетает в карцер. Так же перепадает практически всем понемногу...

Напоследок менты выливают на пол прямо посреди хаты всю бражку и бьют о пятак три фурика нашатыря из нашей аптечки.

Что творилось в хате – это ад. Едкие испарения нашатыря, смешанные с испарениями от бражки создавали атмосферу газовой камеры. Жалко, к проверке всё рассосалось, очень хотелось бы, чтобы и сами мусора побывали в нашей шкуре хотя бы пару минут.

Глава пятнадцатая

ПИСЬМА

Первое письмо писалось тяжело и долго. Естественно, писал матери. Естественно, переживал. У многих видели слёзы на глазах при написании первого письма – никто их за это не осуждал. Эмоции действительно не самые приятные.

С каждым новым письмом писалось всё легче, быстрее и складней. Буквально за вечер к концу шести месяцев отсидки я иногда чиркал по четыре–пять писем: писали мне много. В совокупности одних моих писем почти всегда приходило столько же, сколько на всю хату. Это меня приятно удивляло весь срок заключения. Писали в основном девочки и мать, но пару раз и пацаны расщедрились на пару строк. Перед последним судом у меня скопилась толстенная папка с письмами и фотографиями. После освобождения сначала была мысль хранить всё это на долгую память, но горестные мамкины письма и наивные девичьи как-то неприятно царапали душу, потому я все их уничтожил. Сжѐг.

Так же хотел я поступить и со шмотками, в которых меня выпустили из зала суда. Сжечь. Но рука не поднялась – у многих пацанов в тюрьме было реально тяжѐлое положение с вещами. Потому я всё отправил обратно посылкой в первую же неделю на свободе.

ПЕРЕДАЧКИ

Дачки, кабанчики... Их ждали, ими жили, их встречали радостными воплями. Чуркам–грузинам передачек не приходило, несмотря на весь их пафосный пиздёжь о воровских традициях и взаимовыручке грузин. Чурке–Джему пришѐл один раз нехуѐвый грёв от наркоторговцев – вся хата заебалась сортировать кусочки гашиша от семечек. Чурке–Ибрагиму несколько раз арбузики присылали богатых кабанчиков. Шашлыки из баранины, лепѐшки, зелень... Азеры грели его хорошо. Только доставалось ему с гулькин хер.

Где-то треть парней дачек не получала вообще. Остальным закидывали периодически – раз в месяц, иногда чаще, иногда реже. В

основном хватало, чтобы не убивать кишки баландой. Продовольственная корзина: вольный хлеб, "мочалки", колбаса, сыр, кетчуп, майонез...

Основу рациона составляли "мочалки" или, как их ещё называли "бич-пакеты" – дешёвые макароны быстрого приготовления. Ужин, обед или завтрак – на столе всегда они. "Мочалки", блять.

Раздробленные в мелкую стружку, заваренные целым брикетом, аккуратно разломанные вдоль макаронин. "Мочалки", нафег. С перцем, с майонезом, с кетчупом, с раскрошенным сверху сыром. "Мочалки", ёбанный стос. С колбасой, с курицей, с хлебом, с никуём. "Мочалки", всегда "мочалки" Пицца вообще ни разу не здоровая, но простая в приготовлении, дешёвая, долго хранимая.

Также в кабанчики кладутся в обязательном порядке сигареты, общие тетради, ручки, конверты. Касаемо сигарет: в некоторых местах существует запрет на передачу фильтрованного курева. Запрет этот исходит из того, что при желании из сплавленных фильтров можно собрать заточку. Маразм, блять – в том же телевизоре столько материала на "пику", на хер кому нужны эти фильтры?

ТАТУИРОВКИ

Они же партаки, партачки, наколки, татухи... Бьются двумя способами: "тычкой" – примитивным приспособлением, представляющим собой примотанную к спичке иголку (заточенную тетрадную скрепку, распрямлённую пружинку из зажигалки) или "мерином" – собранной вручную машинкой, в качестве двигателя для которой используются небольшие моторчики от электробритв, плееров, магнитофонов. Вместо красителя используется либо паста из ручек, либо плакатная тушь, либо краски собственного производства.

Самая известная, наверное, это "жжёнка" – субстанция, получаемая при сборе и смешивании с чифиром или водой копоты от резины или пластмассы. Именно от жжёнки татуировки получают характерный "зоновский" оттенок – кто видел, тот поймёт. Причём правильной считается жжёлка, выработанная в чаде каблуков от кирзовых сапог. Также самим можно изготовить "кирпичку" – красную краску. Для этого понадобится кирпич. Как ни странно, красный.

Небольшой кусочек кирпича надо истолочь в мельчайшую пыль и замешать с чифиром. Присутствие чифира во всех подобных смесях объясняется приписываемыми ему антибактериальными и заживляющими свойствами. Однако, если есть какие-либо проблемы с заживлением ранок, то набивать что-то в условиях тюрьмы настоятельно не рекомендую. Я видел и плечи, прогнившие и ставшие похожими на печёное яблоко, и распухшие от гноя до толщины сосисок пальцы.

А ещё за свежие партаки пиздят. Сильно. И отправляют в карцер. Ибо нарушение режима! Потому ценится умение набивать так, чтобы ничего не вспухало и не краснело – Хилл так умел. После вечерней проверки колол татуху, к утренней проверке уже было почти беспалевно.

Я же кому набивал, того замечали сразу почему-то. Наколка от Кирея – билет в отрицалы, гыгы. Бил я, по сравнению с Хиллом, конечно, весьма посредственно, но претензий вроде ни у кого не было.

О значении партаков написана масса литературы, думаю, повторяться не имеет смысла. Новичков же хочу предостеречь от преждевременного забивания своего тела – осмотритесь сначала. Уже упоминавшемуся Ослу, набили на руке ПОСТ, расшифровав как "Прости, Отец, Судьба Такая"... Что расшифровывается и в обратную сторону как "Твой Сын Остался Пидорасом" дурачку сказать забыли.

Партачку можно, конечно, и свести, да вот только процедура либо опасная и не слишком приятная, либо дико болезненная. К первой категории относится сведение партаков путём "выгнаивания" – на наколку наносятся ранки и создаются условия для их загнивания. Например, в молоко капают несколько капель лимона, ждут пока в молоке образуются комочки и, обмазывая ими иглу, прокалывают татуху. Загнивает почти всегда. Но, блять, заражения крови никто вроде не отменял. Вторая категория представлена выжиганием. Химическим – используя кристаллы марганцовки, либо термически – при помощи капель полиэтиленового пакета. Больно дико. Видел, как парниша выводил пакетом маленькую букву "В" между большим и указательным пальцами. Капли падали хаотично, захерачили всю руку ожогами.

ПОНЯТИЯ

"Понятия" на самом деле понятие такое расплывчатое, что самому мало что понятно. Шутка. Во-первых, это правила поведения. В тюрьме ли, на воле – неважно. Хотя и есть чисто тюремные ответвления, типа того, чтобы не опрожняться, пока в хате кушают, но в общем на вольную жизнь эти правила распространяются тоже. Не воровать у своих, не якшаться с мусарами, не стучать... И так далее, и тому подобное. Во-вторых, это термины, масти и прочие атрибуты сугубо тюремной субкультуры. Кто такой Вор? Что святое? Что западло? Кто такой "петух"? Что стрёмно? Круг вопросов, конечно, гораздо шире, это так, для примера. Толкуются понятия как правило авторитетными людьми и в ту сторону, в которую им выгодно.

Вот Ибрагимка проебал свою жопу – по всем понятиям надо было ему под хвоста начислить. Во-первых, потому, что жопой своей отвечает направо и налево. Во-вторых, потому, что проотвечался. Но на верхушке тюремной пирамиды власти оказались его косматые соплеменники и

решили, что раздирбанить волосатое азерское дупло как бы не по понятиям, видите ли.

– Чилавэк ашипся, памите, ми жэ ни звэри, праявити лютскойэ патсаны!

Глава шестнадцатая

Как-то раз, на одном из этапов к нам закинули ущербного тощего кента лет семнадцати. Не сразу вкурив, что перед ним люди с малолетки, этот индюк начал распушать свой хвост. Мы представились, стали визнавать причину такого гонора, выяснять, кто он такой.

– Да я то, да я сё, тудуть его растудуть, ебать-колотить.

– Хम्म... На дороге стоишь? Что-то голос твой не знаком.

– Стою каждый день! Ты когда больше стоишь?

– Днём.

– А я ночью!

– А погоняло твоё как?

– Негр.

Типа я не опознал. Вообще. Со всеми, мало мальски значимыми людьми из его хаты общался, даже рамсил со смотрящим – Павлухой. Ни про каких негров и слыхом не слыхивал. Сидели мы с ним на КПЗ дня три. Как же он заебал толкать вату нам в уши! Несколько раз одёргивал его, но обезьяну было не остановить – пиздил и пиздил. Стал ему обосновывать пиздабола – устроил вой, взбесил меня. Пообещал сразу по приезду поинтересоваться, кто он такой по жизни.

Обратная дорога на малолетку измотала. Зашёл полусонный в хату, попросил кого-то из пацанов пробить за Негра. По пробуждении меня ждало радостное известие, что Негр – аналог нашего Демона. То есть распоследнее чмо. Забитое тупое животное, изгой и вообще презренная личность.

Ни о какой дороге там речи и не шло – тряпка и веник, вот две вещи, которыми орудовал Негр. В чём-то он был даже похлеще Руслана – подписался жить волком. Что это такое? Крайняя степень отторжения человека тюремным обществом. Живёшь отдельно от всех, питаешься отдельно от всех, разговаривать ни с кем не можешь. Твои интересы за чертой интересов хаты – например, хочешь пожрать или попить чаю, а пить и есть тебе за общим столом нельзя, ждёшь пока не окажется абсолютно ни одного желающего посидеть за дубком. В переполненной камере это практически нереально. Так что, чтобы не сдохнуть с голоду, Негр попросился обратно в семью. Его приняли, но при полном поражении в правах.

Подтянули меня на решку, я рассказал поведение Негра, про его трёп. Как пиздили негру было слышно даже у нас.

Через некоторое время на этап поехал Петровна. Уехал, дней на десять пропал. Думали, совесть появилась у судьи, отпустили дурака. Надеялись на это: Петровна накалял.

Наитупейший уёбок, страшно убогий внешне, да ещё и со странными замашками. То куски хлеба ныкает по карманам и под подушкой, то втихаря онанирует прямо на шконаре. Демон когда это спалил, такой скандал устроил. Дал Бог соседушку, хуже не придумаешь. Итак шконка постоянно мокрая и грязная, а тут ещё и крошками засыпана да и загаситься раз плюнуть.

Пиздить Петровну было практически бесполезно – он представлял собой настолько безмозглое существо, что пиздюли его не впечатляли. Да и самому как-то неудобно порой было – лупишь его, в глаза взглянешь – а там пусто. Просто пусто. Никаких признаков мысли. И руки опускаются, ибо толку ноль.

...А потом он опять что-нибудь выкинет, не сдержишься, отпиздошишь черта. И снова осадок какой-то.

Короче, Петровну не ждали обратно. Собрали ему шмотья более-менее нормального, ибо то, в чём он ходил до тюрьмы даже выкидывать стыдно было. Дали дураку жратвы в дорогу – была чуйка, что ему хавать после откидона нечего будет. Отвесили несколько поджопников на выходе из хаты...

Неделю ждали – вдруг вернётся?.. Не возвращался... Только успокоились, как на тебе – заводят дибила. Лекс аж чертыхнулся и сплюнул в дольняк со злостью.

Ещё через неделю приезжает парень, с которым Петровна сидел на КПЗ. Оказывается, Петровна-то авторитет! На распросы пацана о тюремной жизни отвечал примерно так:

- А как вы в хате чистоту поддерживаете?
- Да я там демонам щёлкну, метнулись пятак прибрали!
- А что едите, баланду?
- Да какая баланда, я там демонам сказал – с воли затянули хаванину!
- А как менты?
- Да чё менты, я там...

Всё в таком духе. Когда пацан рассказывал, все просто валялись со смеху. Это был форменный пиздец. Петровна же упорно прикидывался спящим. Пришлось скидывать его со второго яруса на пятак и просить разъяснения.

Петя ушёл в несознанку, отрицая всё подряд. Пытали бедолагу полчаса. Допытались до того, что он начал настаивать, что вообще не покидал пределов хаты. Обстоятельства заставили въебать ему в тыкву в назидание другим. Не кулаками, понятное дело, алюминиевой кружкой-литром. Глухо звякнув кружка отскочила от железного лба Петровны.

– Мудак, бля, всю посуду на тебя изведёшь – ворчал Лекс оглядывая помятый литр.

Глава семнадцатая

Вова Череп, он же Вова Челюсть, он же Бобик, он же Бобан – Вова собрал много погонял за свою отсидку. Первое – Череп – он получил по старой тюремной традиции: вылез на решку с криком "Тюрьма старушка, дай мне погремушку!!!". Остальные придумали ему в хате, где он сидел.

Мне кажется, основной причиной негатива в его сторону была в первую очередь неприятная внешность Бобана. Он буквально гнил заживо. Весь. От кончиков пальцев до макушки тело его покрывали гнойники. Не помогали ни йод с зелёной, ни ежедневные уколы витаминов.

Вова продолжал гнить, и распространять запах разложения по хате, что очень бесило смотрящих. Издевались над ним долго и сильно. Например, в порядке прикола запретили ходить по пятаку – пригрозили, что если он гниющей ногой ступит на пол, то сразу опиздюрится. И изображал Череп человека–паука, ползая на парашу и обратно по водопроводной трубе...

...В один день ментам ёбнуло в голову бороться с "дорогой" и они прислали к нам шныря (зек, выполняющий хозяйственные работы) со сварочным аппаратом для заваривания "ресничек". "Реснички" это стальные пластинки, закрывающие решётку. Идут они внахлест и немного под углом – вы наверняка видели подобные конструкции, например, на трансформаторных будках. Шнырь, сукин кот, заварил всё на совесть – руку меж пластинами хрен просунешь.

Дорогу надо было налаживать – для этого у нас была предусмотрительно "забытая" хозяйственным Пиздюком соседская арматура. Дождались вечерней проверки – после неё палева меньше. Сначала решку взялся ломать я – воткнул арматуру между "ресничек" и пошёл шуровать ей там. Сварка держалась крепко. За час мне удалось сломать лишь пару мест припоя.

Мусор по кличке Укроп несколько раз засовывал своё мурло в "лакалку", угрожая шмоном.

– Какой шмон, мудак, на дворе ночь? – веско возразил ему Лекс. И вежливо попросил нас больше не беспокоить – Ещё раз ебло своё впихнёшь сюда – кипятком ошпарю. Укроп внял его просьбе, но немного расстроился, по–моему.

Следующим после меня за арматуру взялся Зот. На какой–то момент мне показалось, что сейчас у централа стена осыпется. Братуха рьяно приступил к делу, за двадцать минут разворочав к ебням все реснички и согнув чужую арматуру.

– Вот силища–то, блять! – в восхищении подумал я, глядя на выломанный проём, через который запросто можно было протащить целикового поросёнка. Арматуру же пришлось вернуть офигевшим от грохота соседям.

...А утро началось с неприятностей. На проверку прибежал Укроп, настучал проверяющим про наши проделки. Те подошли к окну, дёрнули "ресничку"... И охуели, щурясь под лучами ударившего им в лицо через здоровущий пролом солнечного света.

К нам был применён комплекс мер по предупреждению подобных нарушений режима.

Пункт первый: пиздюли. Били долго и сильно. Дубинками. На продоле. Всех. Очень не понравилось.

Пункт второй: шмон. Повыкидывали из хаты всё барахло, посрывали все ширмы, распороли матрасы. Как после урагана – на полу горы писем, фотографий, перемешанные с ватой из матрасов. Вообще не айс.

Пункт третий: запрет всех намеченных свиданий. Мне на мамкины слёзы смотреть больно было, потому я не любил, когда ко мне приезжали, так что спокойно это перенёс.

Зато некоторые восприняли данный запрет как трагедию.

Пункт четвёртый: запрет переписки. Никаких входящих и исходящих. Незаконно, но хули скажешь?

Вообще, если вы надумаете написать жалобу прокурору – отправляйте в чьём–нибудь бардачке. Через почту вопреки всем правовым нормам ваша жалоба никуда не уйдёт, а вот неприятностями себя обеспечите надолго. Жопа друга лучший почтальон, как говорится.

Пункт пятый: запрет передач. Вот это уже было серьёзно! Все привыкли отказываться от баланды и хавать "мочалки" (макароны быстрого приготовления), балабас (колбасу), вольный хлеб... И чаёк попивать не по норме в два спичечных коробка сахара в день, а как хочется...

Пункт шестой: менты поставили условие – кто–то должен был влететь в холодный карцер. Обычно в таких случаях попадал дежурный. Но в этот раз бедолагу так отхуярили, что в карцере холодном тот бы просто сдох. Нам дали полдня, чтобы "назначить" виновного.

Ясен пень, на такое дело писаться никто не хотел. Несколько суток в холодном трюме – ебал я в рот такую веселуху. Решили, пусть мусора сами выберут виновника.

Пришли краснопёрые с расчётом, что мы им сейчас на блюдечке жертву подадим. С голубой, блять, каёмочкой, ага. Увидев, что нету среди нас виноватых, менты устроили скандал, грозили пиздюлями... Страшно, но молчим. ...увеличением сроков запретов... Херово, но что поделать? ... коллективной экскурсией в карцер... Мы молчали и терпели. ... и тут они покусились на святое!

– А тогда... тогда мы у вас ящик заберем! Петрович, забирай эту хуйню!

За "хуйню" горой встала вся хата. Допотопный "Рубин" с отломанными крутилками, весь исцарапанный, искоцанный и выцветший, показывавший кое-как и только по своему настроению, стал в тот момент самой ценной вещью в камере.

Сразу забрать "ящик" ментам не удалось. Силами трёх мусоров этого было не сделать явно. Потому пупки ретировались, но вернулись уже с подмогой... .. И ушёл наш "Рубинчег" к ним в коптёрку...

Несколько дней скуки и ада – телека нет, писем нет, дорога оборвана и проверяют её состояние каждую проверку. Началась нездоровая движуха – один проиграл Лексу жопу в шашки, второго развели на пиздолиза и чуть не опустили... Безделье давило на мозг, а баланда на желудок – жрать эти помои пиздец как неприятно.

Да ещё и стрёмно, как оказалось: Лекс напряг шныря-баландёра, чтобы тот подкинул ему здоровый кусок мяса в мутную блевоту, обозначенную в меню как "суп". Шнырь так и сделал, да вот только при детальном рассмотрении оказался этот кусок частью полового органа самки свиньи, мягко говоря.

На исходе первой недели пришёл наш "воспитатель" (мент, ответственный за малолеток) с повторной просьбой выдать виновного. Все молчали, хоть и понимали, что это влечёт за собой усиление репрессий. Молчали, так как было понятно, что "виновному" попадёт крепко – получит тот и пиздюлями, и карцером, и отметкой в личном деле, что может сказаться на приговоре и наверняка скажется на этапах. Людей с такой отметкой – "красной полосой" – по слухам шмонали и пиздили особенно злобно.

И тут, среди напряжённой тишины хаты раздаётся голос Бобана.

– Это я.

– Что ты? – недоверчиво посмотрел на его тщедушную фигуру мент.

– Я решку разломал.

– Ты?! Что ты пиздишь? Чем?

– Арматурой.

– И где она?

– Вниз упала.

– Хуй с тобой, пойдём, герой, бля – мент понял, что надо брать, что дают.

Через полчаса нам принесли телевизор. Через три дня вернули Бобана. Истощённого, избитого, оголодавшего и очумевшего от холода карцера.

Я солгу, если скажу, что он набрал авторитета. Кем он жил, тем жить и продолжил. Никакой особой благодарности ему не выразили. Правда, унижать стали немного меньше.

Глава восемнадцатая

Сижу за дубком, отхлёбываю чиферок, вывожу шариковой ручкой на кожаной папке, сшитой из косухи Зига, текст молитвы "Отче Наш". Расслаблен, убиваю время. Хотя оно, как известно, крайне не любит, чтобы его убивали, но что поделать... Обстоятельства вынуждают. Никуда не тороплюсь, неделю как с этапа, никаких выездов не запланировано. Утро, только прошла проверка. Почти все спят, тихо трещит телевизор, идут утренние новости на первом канале. Демон моет посуду, Петровна бестолково шуршит веником по пятаку...

Вдруг на кипеше забегают краснопёрые, дают мне полчаса на сборы. Что-куда – хуй их знает. Собираюсь. Пришли, забрали. На шмоне я один, в автозаке – один, на КПЗ привезли и в камеру бросили одного. Ситуация напряжная – всегда до того ездил с подельниками, всё-таки одно на троих дело, все следственные действия тоже только вместе. В голову лезут неприятные мысли.

Моими сошконарниками по сцене на КПЗ оказались мужики со строгача, но какие-то невыразительные. Может, присмотреться к ним мешало крайне поганое освещение – одна лампочка ватт на 40, вся закопченная, может, мне просто было не до того – реально в гонки ударился, гадая, что за провокацию мне мусора приготовили. Я же паровозом шёл в их раскладах...

...С громким лязгом откинулась кормушка.

– Такой-то!

Удивлённо подхожу к проёму, услышав свою фамилию.

– Передача! Распишись!

Расписываюсь, охуевая... Передача богатая... Куча жратвы, пуховые подушки, теллага, какой-то шмот, сигареты, пачки чая... Тупо в шоке... Ничего из этого не просил. Ну хули: дают – бери. От души пожрал с сокамерниками, ёбанные урки вымутили у меня одну подушку и теллагу. Теллага мне впринципе не нужна была, а с двумя здоровыми подушками таскаться по автозакам совсем не айс (там ценится скорость передвижения: она обратно пропорциональна числу поджопников, получаемых от ментов), так что я им уступил всю эту херню довольно быстро – после получаса нытья о том, как все порядочные арестанты должны друг другу помогать.

Весь день не находил себе места, гадая, что же произошло и что я тут, собственно, делаю. Никаких объяснений никто не давал. Ночью не мог заснуть на пуховой подушке, богатое воображение рисовало мне картины длительного заключения.

Поутраюне за мной пришёл здоровый жирный мусор и повёл меня к следаку. Совсем не в тот сектор, куда меня выводили обычно... Мент протолкнул меня в кабинет незнакомого следака:

– Такой–то!

– Тэксссс... Такой–то... Угонщик...

"Нихуясе! " – думаю – "Что, блять, за цирк, ебанный рот? ! ! "

– Ээээ... Извините, я какбэ не угонщик...

– Как это не угонщик? Такой–то такой–то?

– Да...

– Ну и чего ты тут горбатого лепишь? Вот – сорок угонов на тебе.

– Да я и водить–то не умею...

– Это ты судье расскажешь!

– Меня вообще за другое приняли!

– Как за другое? ... – следак обескуражен не меньше чем я.

Коротко излагаю ему суть своего обвинительного заключения. Следак запирает меня в кабинете и куда–то убегает. Возвращается минут через пять, озадаченно чеша репу.

– Неувязочка вышла... Увести! – кивает он менту.

– А чего случилось–то? – мысль о том, что мне пытаются впясть ещё и угоны неприятно свербит внутри головы.

– Да однофамилец у тебя завёлся, тоже малолетка, тоже с этого же централа.

От сердца отлегло... "Ну менты, ну дибилы, бля! " – озвучивать эту прописную истину не стал. С лёгким сердцем забрал остатки передачи, откинув пару куриных ляжек строгачёвским. Повезли обратно. Только приехал – прибегает пупок и начинает толкать в кормушку жирного кабана. Уже понимаю, что не мне, но хули делать? Тёску, значит, на этап увезли, за него в его хате никто расписаться не сможет. Кто кабана вточит? Мусарята. Беспокоясь об их здоровье – итак морды такие, что в лакалку не пролазят – я забрал дачку.

Приехал тёска с этапа невесёлым – объел я бедолагу хорошо. Зато почти все шмотки вернул обратно. Даже подушку пуховую, к которой я за пару дней уже успел привыкнуть. Позвал воспитателя, объяснил ему, тупорылому, ситуацию, собрал большой баул... Воспет сбегал за тёской – самому лень тащить было сумку.

Тёска оказался даже внешне похожим на меня на меня – тоже блондин, подтянутый, высокий. Только заколотый партаками крепко – от пальцев до шеи. В его хате обилие татух вообще было нормой: хата практически полностью комплектовалась "зелёными" – очередной мусарской эксперимент – краснопёрые пытались выяснить, проникнут ли понятия в социум состоящий из людей, заехавших на централ с воли, при отсутствии у них тюремного опыта. Понятия проникали и при том пиздец как – практически сразу по попадании туда пацаны все поголовно становились отрицалами, били партачки, базарили на фене... Мой однофамилец, одноимёнец и одногодка одновременно со временем стал там смотрящим. Сидеть ему предстояло ещё долго.

Глава девятнадцатая

Как-то под вечер тормоза распахиваются и мент почтительно запускает к нам в хату парнягу. "Почтительно" это без привычного "Руки за спину", "Быстрее шевелись, блять" и прочих мусарских приколов. К новичку моментально подбегает Демон – этот шакал встречал всех вновь прибывших, подгоняемый мечтой, что появится-таки кто-то более чмошный чем он сам и избавит Русланку от мук ежедневной уборки. Снимет, так сказать, с ковырла.

Однако данный кентуха точно не подходил на замену Демону. Высокий, чуть сутулый. В чёрной майке. На дворе – зима. Если на человеке такая одёжа не по сезону, значит он откуда-то из здания тюрьмы, скорее всего. Эту догадку подтверждало и невероятное число татуировок, покрывавших тело – все пальцы, кроме большого в синих "перстаках", предплечья заколоты причудливыми узорами, переходящими на плечи. Ещё сразу удивило число золотых украшений – цепура с мизинец толщиной, на ней болтается массивный крест, на запястье увесистый браслет. Парень явно был не из простых арестантов. Мелькнула догадка – "А может быть это..."

– Павлуха! – признал смотрящего Пиздюк.

– Здорово, пацаны! Чифернём? – отозвался Павлуха.

Павлика у нас не любили. Многие считали его присутствие на месте смотрящего за малолеткой неуместным. Лекс помнил то время, когда он отнимал у Павлухи новенький спорткостюм, Хилл ещё не забыл, как заставлял Павлуху драить дальняк, Пиздюк с усмешкой вспоминал, как давал Павлухе пизды. Даже у ебаной чурки – Джема – было припасено несколько историй про издевательства над молодым Павликом.

Однако теперь Павлуха вырос и заматерел. И мириться с существованием хаты, где его в хер не ставили было, наверное, неприятно. Потому-то с благословения и по милости Бачуки – старшего смотрящего за малолеткой – Павлик решил предпринять турне по всем хатам, начиная с нашей.

Естественно, Павлик поехал не один – одному ему делать в компании настроенных против него людей было нечего. Через час привели Рыхлого – второго смотрящего за малолеткой, павлухиного напарника.

Рыхлый отличался от Павлухи сильно. Абсолютно без тухлого пафоса и понтов, располагающий и открытый, улыбчивый парняга, постоянно на приколах. На теле ни одной наколки. Крепко уверенный в себе, расслабленный. Позитивный кент такой. Вместе с тем обладающий громадными связями среди криминального взросляка – откуда они у него, не знаю, но факт есть факт: именно благодаря им Рыхлый на второй месяц отсидки стал смотрящим за малолеткой и подтянул к себе недотёпу–

Павлуху, отсидевшего уже полтора года, но особого авторитета не добившегося.

Про Павлика же как рассказывали, что он мудака, так мудаком тот и оказался. Практически сразу, ещё до прихода Рыхлого, пребывая в иллюзиях касаясь своей невъебенной крутости, Павлуха запряг Демона очищать наш "дубок" – обеденный стол. Дескать, не пристало благородной особе хавать за столом, почерневшим от пролитого на него чифа, баланды, "мочалочного" бульона и Бог знает чего ещё. По замыслу Павлухи, стол надо было не просто помыть, а выскоблить – содрать грязный верхний слой. С этой целью Павлик по дороге пробил из своей хаты осколок стекла и вручил его Демону. Руслан переволновался от проявленного к нему внимания столь высокопоставленной персоны и постоянных её окриков "Быстрее три! Лучше скобли! Хули это место пропустил?" и искромсал себе все руки в мясо. Даже наши смотряги, глубоко презиравшие Демона, возмутились таким отношением к своему крепостному.

– Тормози – остановил Павлика Хилл, когда тот изготавился прописать Демону поджопник

– Чё тормози? Хули такую грязищу развели? Чистота – святое!

– Ты сейчас сам будешь хату пидорить – недобро высказался Лекс.

Видя, что тучи над венценосной головой сгущаются, Павлуха оттолкнул Демона от стола, уже изрядно закапанного кровью и взялся скоблить дубок сам, обмотав руки полотенцем и приговаривая:

– Убираться – не запахло! Чистота – святое! Вася Бриллиант собственноручно дальняк мыл!

После того, как стол был приведён в подходящее для трапезы королевской особы состояние, Павлухе захотелось посмотреть телевизор. Наш "Рубин" его не устроил категорически. Павлик выписал из своей хаты маленький переносной цветной импортный телевизор. Выписал через мента, порядком удивив нашу хату. Видать, экскурсия по малолетки неплохо была профинансирована, иначе объяснить возможность свободной передачи предметов из камеры в камеру я не могу. Да и скорость реакции краснопёрых на зажженного "клопа" обычно оставляла желать лучшего. "Клоп" – это сигнальная лампа по другую сторону хаты с выключателем на нашей стороне. "Клопа" поджигашь – мент прибегает, спрашивает, чего надо. Обычно пупки бегают долго – иногда по несколько часов. А тут только клопа подпалили, как в кормушке уже показалась уродливая морда Укропа.

То, что ради своей сиюминутной прихоти он оставил всех своих пацанов числом в двадцать жал без телевизора, Павлика волновало мало. Видать очень хотелось напустить побольше понтов. Отсюда и этот золотой обвес, и заход в маечке, чтоб все попалили нательную роспись. А пришёл к нам Павлик с важной миссией: для формирования общака, установления границ нашего в нём участия и для разъяснения вопроса о понятиях. Если

первый пункт – общак – лежал больше на плечах Рыхлого, который был хранителем общака, то второй Павлик оставил всецело для себя. Ей–Богу, не шучу – этот фуцин притащил с собой тетрадку в клеточку на 12 листов, в которой были записаны понятия. Начиналась эта белиберда, как сейчас помню, со следующего тезиса: "Вор, Урка – наш Отец, хранитель всего Святого на тюрьме и зоне". И дальше бред в том же духе.

Всю эту хрень предлагалось заучить наизусть зелёным нашей хаты, мне в том числе, а потом сдать Павлухе экзамен на предмет владения понятиями. Это была пиздец какая комедия. Самый странный экзамен в моей жизни. Мрачная хата, тусклый свет от единственной лампочки у потолка, вокруг двухъярусные шконки, с которых на меня смотрят бледные рожи сокамерников...

Передо мной сидит заколотый наглухо Павлуха и задаёт мне вопросы "Кто такой Положенец?", "Чем отличается обиженный от опущенного?", "Кто такой шнырь?", "Как можно загасится?", "Какие масти есть на тюрьме?"

Я отвечаю, стараясь не заржать, а сам представляю себе Павлуху по выходе на волю. И что–то он представляется мне совсем не авторитетом на новеньком "Лексусе", а пьяным бомжем в пригородной электричке.

А что же Рыхлый? А Рыхлый пока Павлик развлекался, спокойно сформировал общак, определил нашу долю в нём и порядок отчислений туда. Всё это без кипеша, по–деловому, через шуточки–прибауточки. Перезнакомился со всеми, узнал иерархию хаты, пробил, кто будет замещать смотряг, если тех переведут на взросло, осудят или закинут в другую хату. Вычислил неблагонадёжных элементов – Демона, Петровну и иже с ними – что–то записал в небольшой блокнотик.

– Не давите их сильно, парни – посоветовал – Из таких вот, надломленных, потом актив мусара и собирают. Если есть возможность человека подтянуть, к движухе приобщить – подтягивайте.

Хорошее о себе впечатление оставил он, короче. Реальный кандидат на место в верхах тюремной власти. Что его связывало с Павлухой осталось загадкой для всех.

Глава двадцатая

ЧЁТКИ

Чётки, наверное, любимая зековская игрушка. Якобы нервы успокаивает. У меня ничерта они никогда не успокаивали, отвечаю. Однако поверье такое есть.

Изготавливаются они буквально из чего угодно – из хлебного мякиша, из пластмассы бритвенных станков, из оргстекла, из костей растительного или животного происхождения. В нашей хате заебато

клепали именно пластмассовые чётки. Для этого в крошку разламывались бритвенные станки – преимущество отдавалось чёрным.

Затем эта крошка правилась в алюминиевой ложке и, пока горячая, вручную формовалась в прямоугольники, которые впоследствии ровняли о пятак до идентичности. Прожигались дырки под нитку и относительно ровные прямоугольнички шлифовались о ткань, смазанную зубной пастой. Блестели после такой операции чётки как лакированные.

МУНДШТУКИ

Также не без оснований считалось, что у нас в хате делают заебатые мундштуки. Технология их производства, впрочем, как и технология производства чёток, была разработана неугомонным Хиллом. Брался жестяной тубик из-под зубной пасты, раскатывался веслом и скручивался в длинный тонкий кулёк. На этот кулёк напайвалась пластмасса, затем заготовку обрабатывали как в случае с чётками – сначала о пятак, потом о ткань с зубной пастой. Я никогда не курил, так что мне до этих мундштуков дела не было, зато у некоторых штук по пять их валялось.

ЛАДАНКИ

Для начала надо развести кого-нибудь на кожаную куртку. Получилось? Приступаем к работе! Из куртки нарезаются лоскуты, которые потом прошиваются аккуратным швом, украшаются бахромой, тиснением, словами молитв. Внутри вкладывается листочек с "Отче Наш" или "Ангелу Хранителю". И, типа, всё, можно сесть, успокоиться и расслабиться, ага. Боженька на твоей стороне, живёт в засаленном кожаном мешочке у тебя на груди.

МАРОЧКИ

Марочки – это не LSD. Это рисунки на небольших квадратных обрезках простыней. Сначала наносится эскиз карандашом, затем он тщательно прорисовывается ручкой. Края марочек распушают бахромой – получается что-то вроде носового платка с оригинальным узором. Далее это чудо тюремного искусства (а получается иногда действительно офигенно красиво) отправляется по почте. Обычно девушкам. Обычно нравится.

СТИРЫ

Карты. Самодельные игральные карты. Вариантов изготовления несколько. Самый простой: собрать достаточное количество спичечных

коробков или пачек сигаретных с одинаковыми этикетками, аккуратно вырезать из них "болванки", которые потом красиво расписываются. Посложнее: сломать сокамернику руку или ногу, а когда того отправят на рентген, забрать снимки и нарезать "болванок" из них. Далее эти "болванки" обклеить бумагой при помощи хлебного клейстера и оформить надлежащим образом. Про "сломать" я, естественно, пошутил. Хотя именно такие стирыватели у нас почему-то считались самыми пиздатными.

НОЖИ

Они же "пики", они же "перья", они же ... Вытачиваются в основном из супинаторов. Отрываешь стельку на ботинке, и там почти наверняка будет небольшая изогнутая стальная пластинка, если мусора её не выдернули на шмоне. Её надо разогнуть, обточить и заострить. Затем изготавливается рукоятка – либо путём наплавления пластмассы, либо из деревянных деталей обихода, например, из "чижа" – общей вешалки. Если есть желание заморочиться, то рукоять покрывают узорами, либо обтягивают кожей, также изгибаются и над лезвием – протачивают центральный канал, зашлифовывают сталь до зеркального блеска. Времени много свободного, поделки часто получаются такими, что хоть на продажу выставляй. Никакое вторсырьё из казённых алюминиевых вёсел или сплавленных фильтров им и в подметки не годится.

ШАХМАТЫ, ШАШКИ, НАРДЫ

Тут в ход идёт хлебный мякиш. Шашки и нарды лепятся либо традиционными кругляшами, либо квадратными, шестиугольными, восьмиугольными и так далее в зависимости от фантазии автора. Верхняя часть украшается геометрическими узорами, крестами, свастиками. Для шахмат практикуется гораздо более творческий подход. Фигурки могут напоминать и первых лиц государства, и каких-нибудь сказочных существ... В качестве доски для игры используют разлинованный кусок простыни, квадрат картона... Также роль игрового поля может выполнять расчерченный и раскрашенный дубок.

Глава двадцать первая

Первый суд состоялся через полгода заключения. До того несколько раз нас вывозили судиться, но до суда дело почему-то не доходило – откладывали.

Точно также мы думали, что отложат и данный процесс – уже привыкли. Потому, не особо смущаясь, бухали с опять попавшимся нам на

этапе Пухом и снова поправлялись какими-то бодрящими колёсами. Отрыв, нах.

А вот когда нам утром велели собираться в конвоирку, стало нефига не весело. Конвоирка – помещение в здании суда. Если попал туда, вероятность того, что осудят сегодня существенно повышается. А мы с похмелья, расхлистанные, помятые... Некондиционные, бляха-муха... У меня в башке в диком хаосе перемешаны строчки заготовленной речи – я единственный, кто удосужился проработать и продумать своё выступление...

Заходим в конвоирку, рассаживаемся. Вокруг солидная публика. У молодого бродяги через час суд, спрашивает плотного чечена бумажку, чтобы разнюхаться коксом... Чечен, общается с земляками, стоя у решётки... Не глядя, он достаёт из кармана дорогого спортивного костюма сто баксов и протягивает бродяге. Тот удивлённо спрашивает, нет ли бумажки попроще... Чечен раздражённо отмахивается – бери, что есть...

Другие арестанты, не менее авторитетные, посылают ментов за водкой. Хорошо, денег дали мусорам. Там такая публика расселась – складывалось ощущение, что менты бы им и из своего кармана купили бухла. Немного странным выглядело при таком масштабе присутствующих личностей их поведение по отношению к Пуху – плевки на три метра, броски бычков и пробок от пластиковых бутылок, подъёбки...

На фоне прожженных ухарей со строгого выделялся совсем древний дедок в замызганном пиджачке от школьной формы. Дедок порезал зятя-алкаша, избивавшего дочку, дедову внучку. Зятёк остался жив, а вот дедулю приняли мусора. Старик вызвал у всех искреннюю симпатию – он был простой и добрый...

А может, просто все эти алюминиевые пуговички да нашивка с изображением букваря на плече всколыхнули какие-то детские воспоминания. Так или иначе, к деду все относились почтительно, сразу же выделили ему место, предложили перекусить, закурить, выпить... От курева и бухла дед отказался, зато в копчёную куриную ногу впился оставшимися зубами как голодный пёс – херово кормили старого в дороге, видать.

Несовершеннолетними в конвоирке были только мы. Соседи стали расспрашивать, кто мы и за что. Неожиданно выяснилось, что самый центральной человек в этой богадельне – наш земляк. На этой почве нам начислили по донышку от пластиковой бутылки водяры – стаканов тупой мент купить забыл (разволновался, что ли? ...). Спиртного получилось реально много – грамм 200 на брата. "Фронтвые" – подъебал кто-то... На старые дрожжи накатило сипец как. И тут прибегают менты и тащат нас на суд.

Мы были не сказать, чтобы в стельку, но крепко пьяны. Две трети процесса потому мне не запомнились вообще: вся энергия уходила на поддержание себя в пристойном виде. Зато когда мне дали слово... Вот тут–то я оторвался.

Минут сорок безостановочного пиздежа, оспаривания доводов следствия и свидетельских показаний, перечисления нарушений в ходе дознания... Помню, как удивлённо таращился на меня мой бездарный адвокат: я его явно переиграл в этом выступлении – так гладко всё шло. До сих пор с удовольствием вспоминаю, как красиво и легко излагалось.

...Меня остановил судья, когда я уже перешёл к части, в которой убедительно доказывал, что тюрьма не является средством воспитания для пятнадцатилетних подростков и своим решением оставить нас под стражей он лишит общество трёх полноценных его членов. Прервал он меня потому, что решил отправить дело на дополнительное расследование – моя речь впечатлила. Однако же отпускать с малолетки нас почему–то не стал...

Глава двадцать вторая

В тюрьме не поверить в Бога было сложно. Когда не на кого надеяться, когда твоя судьба подвластна неведомым тебе процессам, когда каждый день может случиться что–то страшное, надо, чтоб кто–то был на твоей стороне. Кто–то сильный и надёжный. Друзья на эту роль в застенках не подходят – плёвое дело разлучить, развести по разным хатам и дальше душить по одному. Родители – далеко. Только религия, только Бог может дать внутренние силы. Иначе слишком легко сломаться.

Прямо над моим шконарём на стене был нарисован свиток с молитвой "Отче наш". Рисунок был практически в человеческий рост – высокие потолки. Таким образом, первым, что я видел, открывая глаза после сна, либо же отходя ко сну, был "Отче наш". Текст молитвы навсегда засел у меня в памяти и очень часто я ловлю себя на мысли, что в моменты сильного волнения – на госэкзаменах, например, – непроизвольно бубню про себя "...да–святится–имя–твое–да–придет–царствие–твое...". На полотнах стен также был изображён распятый Иисус, величественный храм, Богоматерь с младенцем... Чуть позже обожравшийся стимуляторов Хилл наколбасил чумового Андрея Рублёва. Вышло высокохудожественно – аж дрожь пробирала при взгляде. И то, что некоторым не удалось прилечь сутки, пока тюремный живописец творил, наслаждаясь приходом от колёс, никого вообще ниибало и ниибёт. Результат стоил того.

Попросить Всевышнего о воле до последнего суда я как–то то ли не решался, то ли считал это заведомо бесполезной затеей. Каждый раз возвращаясь с прошедшего неудачно мероприятия – с отложенного суда, с

провального изменения меры пресечения – я тупо смотрел на "Отче наш", на Иисуса, на Богоматерь... И не догонял, что надо просто попросить. Хорошо, прочувствовано, с верой в исполнение попросить. Кто-то скажет, наверное, что это потребительское отношение к религии – не спорю. Но ведь именно так всегда и было! Люди всегда что-то просили у Бога, у Высших Сил.

Просили самозабвенно, придумывали кучу ритуалов для уверенности в удовлетворении своей просьбы – от принесения тысяч человеческих жертв в культуре Мезоамерики, до банальных свечек в российских православных храмах. Чувствуете разницу? Человеческая жизнь или полосочка воска с фитильком посередке... А суть одна – Боже, Удовлетвори Мою Просьбу!!! Но дело-то не в дарах или жертвах – дело в силе желания и в истовости вымаливания искомого. В вере в осуществление.

Когда наступил апрель и прошёл первый суд, а через месяц назначили судьбоносное слушанье, мой колпак начало реально рвать... Я метался по квадрату пятака, писал длинные бессмысленные письма, взялся набивать сокамерникам наколки – лишь бы чем-то занять себя. Да простят они мне те беспонтовые партаки, которыми я покрыл их бледные от недостатка солнечного света тела... Оставаться неприкайным было по-настоящему мучительно – сразу появлялись мрачные мысли и дикое волнение, нарушающее сердечные ритмы... Ни одно занятие не давало мне настоящего успокоения – лишь немного отвлекало. ...и тогда я начал молиться... Я молился каждый вечер и каждое утро, молился, как только чувствовал, что меня начинает колбасить невесть откуда взявшаяся нервная дрожь. Молился, прося Господа о свободе. Молился сначала про себя – стеснялся окружающих, потом стал молиться без стеснения, мысленно обрисовывая желаемое. Месяца хватило, чтоб замолить два разъёбанных хачёвских жала и две статьи за особо тяжкие преступления. Бог есть и мысль материальна.

Глава двадцать третья

Последний суд был назначен на конец апреля. Весна уже вступила в свои права – через "реснички" пробивался маняще-яркий свет, в хате стало чертовски душно – малолеток держали на последнем этаже, видно, крыша нагревалась, что вкупе с работающими батареями давало эффект парной. Свиньи с диким визгом еблись в расположенном неподалёку хлеву, на пригорок под окнами централа, больше известный как "бугорок", стало приезжать просто небовое количество девок. Некоторых начали посещать нездоровые мысли о необходимости присутствия пидора в хате. Из этого выходили различные каверзы, вроде поимки демонов на косяках, возрождения традиции развода на стрём.

Под гашеного подписали Петровну. Опускать не стали – совокупляться с таким ущербом не захотели даже старые арестанты Лекс и Пиздюк, принимавшие в подписке самое непосредственное участие. Разводка получилась на интерес, можно сказать: парни просто хотели посмотреть, за какую грань можно задвинуть сломленного человека. Вряд ли у них была причина держать на него зло, просто от скуки и безысходности такая ситуация вышла.

Масла в огонь подбавили кореша одного из бродяг со строгого, подогнавшие дружбану стриптиз: пинками выгнали на "бугорок" какую-то зашуганую шмару и заставили раздеваться. Бедняжке было сильно холодно и страшно, судя по всему. Тюрьма встретила стриптиз таким воем, какого я ещё не слышал.

Неугомонные Пиздюк с Лексом, произведённые на пару в смотрящие, стали налаживать телевидение – раскололи вешалку на прутья, привязали к ним дохера вёсел, расплющили пару шлёмок – антенну собрали круче спутниковой. Ловило херово, правда. Но порнуху по 31-му каналу кое-как цепляло. До сортира, блять, стало вообще не прорваться.

В один из таких деньков пришёл мусор, попросил меня на выход без вещей. Нихера не объясняя провёл меня в другой угол централа и запер в стояке – углубление в стене меньше полуметра глубиной, закрываемое железной дверью снаружи. Тесно пиздец, нос не почешешь.

Клаустрофобией я никогда вроде не страдал, но после неопределённого промежутка времени в этом гробу настойчиво стал вспоминаться случай из детства – тогда я жил в Забайкалье, лазили с друзьями на стройке и я сунулся в здоровую трубу. И застрял. В коленках застрял – бедро под прямым углом к поверхности трубы, задница упирается. Дёргаюсь вперёд – пипец, никак. Дёргаюсь назад – та же херня. Началась паника, засуетился, ободрался весь... Думал, всё уже, так там и останусь... Как выбрался не помню, но осадочек неприятный остался.

И сейчас воспоминания накатили... А проклятый мусор всё не шёл. Я уже собрался поднимать кипеш, когда услышал шаги по ту сторону стояка и лязг ключей в замке его дверцы. Оказалось, ко мне приехал адвокат. В кои-то веки, блять! Первый раз за полгода. Пидар, бля – этакий бич в дешёвом замызганном костюмчике и стоптанных башмачочках совкового фасона. Якобы бывший судья и прокурор. Пиздёжь, наверняка пиздёжь – с таких высот так опуститься... Этот мудака не смог мне изменить меру пресечения, не смог нормально выступить на первом суде – всё трясся как с похмела, да заикался. Мелкий жулик-неудачник, блять.

У поделов такие же ущербы были в защитниках – у С. первоначально баба за дело взялась, переживала за него, плакала, а затем от дела почему-то отказалась и стал у него адвокатом абсолютно невзрачный молодой мужичок, у А. же был нарочито-наглый, хамоватый мужик, толстенный, с громогласным басом. И тоже никчёмный. Я так понимаю, всех этих

долбоёбов насоветовали менты. Никакой защиты они фактически не осуществляли. Все ходатайства собирали родители, по свидетелям бегали, уговаривали, чтоб те от показаний отказались, тоже они. Терпила к этому времени уже давно успели съебаться по своим аулам, так что с ними никаких договорённостей не было. Адвокатишки же своё участие ограничили лишь советами и парой–тройкой вялых отписок.

Захожу, сидит это чмо, улыбается фальшиво. Здоровается, жму его чухлую ладошку. Начинает петь мне дифирамбы по поводу моей последней речи, хвалит. Приторно... Чувствуется какая–то неприязнь камуфлированная – то ли зависть, то ли обида... Говорит, статьи после таких выступлений вам наверное изменят на тяжкие телесные и злостное хулиганство. Тоже не сахар, но на порядок лучше явно.

Адвокатишка отбазарился, замолк. Сидит, моргалами хлопает.
– А – говорит – на!

Достаёт шоколадку растаявшую из кармана. Какую–то из самых дешёвых. Крепкий профессионал, хуле – устанавливает контакт с подзащитным перед судом. А на хуй мне его шоколадка? Чего мне с ней делать? Жрать в одну харю без запивки? Или в хату нести? Бля, да меня засмеют к ебням за такие подачки. Дай, думаю, курёху для пацанов стрельну у бича.

Минут пять разводил дятла на сигареты, он отнекивался, говорил, мол, тебя обшмонают, найдут сигареты – накажут, а меня к тебе больше не пустят. Я на это веско возражал, что его задача сделать так, чтобы необходимости во встречах более не возникало. Еле вымутил три "явины", пиздец.

"–Хуй –думаю – ты у меня так уйдёшь"

Развёл в довесок ещё и на ручку мужика. Ручка неплохая была. Стал смотреть уже и на часы, но адвокатик перехватил мой взгляд, смущённо закашлялся и начал собираться. Часы занять не удалось.

Пришёл обратно в хату как с охоты, трофеи выложил на дубок. Ручку, три сигареты и фаршмачную шоколадку. Все в ржач, естественно, даже Петровна запищал чего–то с дольняка. Тьфу, блять, лучше бы не брал вообще ничего.

В такой вот нервной обстановке и состоялся мой последний выезд. Прощанье не затянулось – собрал письма, коих накопилась просто пиздецовая пачка, толщиной сантиметров 10, неосмотрительно раздал свой скудный скарб, получил причитающийся пендель и поехал судиться.

Был совершенно расслаблен, почему–то в душе жила стопроцентная уверенность, что после суда отправлюсь на волю. Встретился на продоле с А. и С., получил поджопник от мента – тоже примета хорошая, как считается.

В автозак к нам подбросили солдатика – прямо в форме, только с оторванными знаками отличия. Народ вскипел, запротестовали зеки – мол, что за херня?

Солдатик устало вздохнул и коротенько повторил явно не один раз уже рассказанную за этап историю: призвали на срочную – лейтёха попался доёбистый – солдат не выдержал, откумарил офицера – переборщил, статью дали по уголовке. Вписался за него, как ни странно, чечен Аслан, с которым, что ещё более странно у меня обнаружилось дохера общих знакомых, как выяснилось при разговоре. Знакомые в основном по спорту – напомним, до принималова я занимался карате.

Перед судом получил ещё один подсрачник от мусора. "Блять, ну если я сегодня не откинусь, то я больше в приметы не верю!" – отметил я непривычную частоту соприкосновения чужих башмаков с моей задницей. Зашёл в конвоирку, успев жадно глотнуть свободного воздуха. Солнце режет глаза, вокруг куча одноклассников, девушек... Весна... Аж башка закружилась... В состоянии головокружения меня и повели на суд.

Я провёл весь процесс в неадеквате, бросив лишь пару слов невпопад. Судья даже удивился.

– Ну, – говорит, – твоё последнее слово!

Порази, мол, меня.

– Прошу суд принять во внимание мои положительные характеристики и дать мне возможность доучиться и стать полноценным членом общества – проямлил я заученную фразу.

Разглагольствовать вообще не хотелось, равно как и смотреть в зал, где в диком напряге сидели наши родные.

– И это всё? ... – разочарованно протянул судья.

"А чего ты ожидал? Речи на полтора часа, что ли?" – подумал я.

Но вслух добавил от себя только "Пожалуй".

– Я надеюсь, ты вынес урок?

– Безусловно.

– И каков он?

– Я больше никогда не буду так поступать...

Как в детском саду, блять. "Я больше так не буду"...

– В любых ситуациях?

– В любых...

"Вы же это хотели услышать? Обкладывайте матом, гнобите, режьте – буду тем, кого вы из меня хотите сделать – тупым, равнодушным, безмозглым, рабски покорным быдлом. Только отпустите, пидарасы. А там, Бог даст, сочтёмся..."

– А если на твою девушку нападут? – судья смотрит на меня пристально

– В любых... – "Ну всё, мудила, я уже подписался под быдлятину, не еби мне мозг!"

– Неправильно! За девушку надо заступаться! – "Ага, пидор, ты же меня первый и посадишь. Закона нет. Справедливости нет."

– Естественно... – тупо соглашаюсь с ним, только чтобы он съебался уже решение выносить вместе со своими кивалами.

Решение вынесли быстро. Стою, слушаю оглашение приговора – начали с меня. Читают долго, стараюсь выцеплять нужные фразы, но всё как-то не по делу идёт... Меня интересует только само, блять, решение, а не перечисление всех моих грехов, ебёны пассатижы!

– ...такой-то такой-то... – доходят наконец до главного – ...статья такая-то...

Опа! Статьи перебили! Да ещё как – на телесные повреждения средней тяжести⁵ (ст. 112, ч. 2) и злостное хулиганство⁶ (ст. 213, ч. 3). Тоже не сахар, но вполтину меньше по срокам, чем инкриминировалось изначально. Я лихорадочно прикидываю, сколько там может светить, тем временем обвинительная речь продолжается:

– ... решением суда приговаривается...

... Пауза...

⁵ Статья 112. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью

1. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, не опасного для жизни человека и не повлекшего последствий, указанных в статье 111 настоящего Кодекса, но вызвавшего длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть, – наказывается арестом на срок от трех до шести месяцев или лишением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное:

а) в отношении двух или более лиц;

б) в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;

в) с особой жестокостью, издевательствами или мучениями для потерпевшего, а равно в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии;

г) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

д) из хулиганских побуждений;

е) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, –

ж) утратил силу. – Федеральный закон от 08. 12. 2003 N 162–ФЗ

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

⁶ Статья 213. Хулиганство

1. Хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающиеся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества, – наказывается обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. То же деяние, если оно:

а) совершено группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) связано с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка;

в) совершено лицом, ранее судимым за хулиганство, – наказывается обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

3. Хулиганство, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, – наказывается лишением свободы на срок от четырех до семи лет.

Долгая, почти театральная пауза. Председательствующий, гнида, явно наслаждается произведённым эффектом. Вампир, блять, энергетический, сука.

– ... к четырём годам шести месяцам лишения свободы...

ЁБ ТВОЮ МАТЬ! НЕУЖЕЛИ СРОК?!! БЛЯТЬ, А ПРИМЕТЫ?!!!

Смотрю в зал – родители бледны, все затаили дыхание... Падла, держит ещё более долгую паузу и обводит зал глазами:

– ... с отсрочкой исполнения приговора на два года...

Дальше не слушаю. УСЛОВКА! Сегодня на свободу!!! Блять, весна!